

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

въ Россіи.

Безъ доставки

на годъ . . . 7 р. 50 к.

на 9 мѣсяцъ . . 5 р. 75 к.

на 6 мѣсяцъ . . 4 р. — к.

Отдѣльн. номера по 20 к.

Съ доставк. и пересылкой

на годъ . . . 8 р. —

на 9 мѣсяцъ . . 6 р. —

на 6 мѣсяцъ . . 5 р. —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за Границею

на годъ 14 руб.

Статьи и требованія адресуются въ
ред. Сиб. Поваревой пер. д. 5, кв. 11.

ПОДПИСКА

принимается въ Конторѣ—Сиб.,

Надеждинск. д. 19, кв. 32., а

также въ книж. маг. Вол-

фа, Нев., Гости. дв. № 18.

Въ Томскѣ—въ книжномъ

магазинѣ Макушина.

Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ

Редакціи газеты «Сибирь».

Въ Омскѣ—въ книж. ма-

газинѣ Александра.

СОДЕРЖАНІЕ: Задачи печати на окраинахъ.—Хроника.—Корреспонденціи: изъ Кульджи, изъ Фергана, изъ Благовѣщенска, изъ Енисейска и изъ Иркутска.—Инородческія общины въ Сибири: алаирская бурятская община. Г. П.—Сибирская Калифорнія (бытовой очеркъ). Нелюбинскаго.—Хроника жизни за недѣлю.—Библиографія: «М. Веригъ. Современная Японія». А. П.—Биржевыя извѣстія.—Объявленія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ГАЗЕТУ

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

НА 1883 ГОДЪ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ ОСТАЕТСЯ ТА ЖЕ.

ЦѢНА ЗА ГОДЪ 8 РУБЛЕЙ.

Для новыхъ подписчиковъ на 1883 г. остающіеся экземпляры
за 1882 г. уступаются за 4 рубля.

Адресъ редакціи и конторы на заголовкѣ газеты.

ЗАДАЧИ ПЕЧАТИ НА ОКРАИНАХЪ.

Начавъ служить дѣлу общественнаго и гражданскаго развитія на русскомъ Востоцѣ, мы поставили своею задачею давать возможно полную картину его общественной жизни, со всѣми текущими явленіями, и въ то же время не скрывать недуговъ этого общества и темныхъ сторонъ его, въ виду его самоусовершенствованія, а также тѣхъ реформъ, которыя рано или поздно коснутся русскаго Востока и Сибири, вступающихъ на путь гражданской жизни. Какъ мы выполняемъ свою задачу, судить не намъ, но мы старались отнестись къ ней болѣе или менѣе сознательно.

Если мы встрѣчали недоразумѣнія и нареканія, то они происходили не столько по нашей винѣ, сколько въ силу положенія вещей и особенностей жизни на окраинахъ. Попытаемся разъяснить это.

«Чѣмъ можетъ быть и чѣмъ долженъ быть областной органъ въ столицѣ?» спросимъ мы самыхъ строгихъ изъ нашихъ судей.

Естественно, что онъ долженъ явиться предстателемъ за интересы мѣстнаго населенія, онъ долженъ явиться органомъ гласности и публичности мѣстной жизни, онъ долженъ явиться посредникомъ между обществомъ далекой окраины и Высшей властью въ столицѣ, къ которой обращаются взоры надежды и упованія. Этотъ органъ по сво-

ему призванію обязанъ доводить до свѣдѣнія этой Высшей власти во имя закона откровенно все, что совершается на окраинѣ и то, что маскируется, прикрываемое какою либо благовидною внѣшностью, но само по себѣ противорѣчитъ закону и принципамъ, Высшею правительственною властью внушаемымъ. Наша задача помогать правительству видѣть истинное положеніе окраины.

Понятно, что здѣсь однако не всѣ могутъ быть довольны. Всѣ хорошо знаютъ, что этотъ край дореформенный, патриархальный. Рекомендуемъ познакомиться съ положеніемъ его и порядками его по историческому сочиненію о томъ, въ какомъ положеніи засталъ его Сперанскій. Уже одна отдаленность, отсутствіе элементовъ просвѣщенныхъ, составъ низшей администраціи и строй учрежденій, неудовлетворяющихъ своимъ задачамъ, можетъ заставить задуматься. Общественная жизнь здѣсь слагается тоже иначе. Если въ Европейской Россіи задаетъ тонъ и руководитъ высшая центральная власть въ лицѣ учреждений, сосредоточивающихъ государственныхъ дѣятелей, лучшихъ силъ страны, представителей юридической справедливости и охранныхъ закона, то на окраинѣ нѣтъ такихъ органовъ, и все въ рукахъ того или другаго лица. Недостатки этого единоличнаго органа хорошо сознавалъ Козодавлевъ, Сперанскій и многія другія лица, излагая его въ журналахъ Государственнаго Совѣта. Въ Россіи есть общественное мнѣніе, существуетъ представительство высшихъ сословій, нынѣ представительствѣ земскихъ и городскихъ, въ Сибири ничего подобнаго нѣтъ.

Россія живетъ подъ цѣлымъ складомъ учреждений, обновившихъ ея жизнь. Она имѣетъ цѣлую массу путей и средствъ добиться правосудія, въ Сибири эти учрежденія не родились. Европейская Россія имѣетъ новые суды, обширную столичную журналистику и газеты, которымъ данъ извѣстный просторъ обсуждать общественные вопросы и касаться жизненныхъ явленій; въ Сибири частные органы, подъ цензурою мѣстнаго администратора, лишены права говорить даже о мелочахъ жизни, неправящихся данному лицу.

Понятно, что здѣсь является въ самомъ обществѣ потребность гласности, потребность аннелляціи къ закону и Высшему правительству, понятно исканіе посредничества.

Весь вопросъ въ томъ, должны ли мы считать эту потребность законной или нѣтъ. При тѣхъ слабыхъ и недостаточныхъ органахъ, такъ сказать первичныхъ, которыми обладаютъ окраины, при томъ единовластїи мѣстныхъ чиновниковъ, которое замѣняло органы власти, и тѣхъ ошибкахъ, въ которыя впадали люди вольно и невольно, естественно отвѣтить утвердительно. Намъ кажется, что известная публичность и гласность, вполне безопасная для безукоризненнаго и честнаго администратора, сослужитъ службу и ему, и высшему правительству. Недаромъ Сперанскій, въ обзорѣ главнѣйшихъ основаній сибирскаго управленія, указывалъ на нее, какъ на лучшую гарантію.

Законодатель придумываетъ цѣлую сѣть учреждений, которыми бы можно было замѣнить эту публичность и гласность на окраинѣ. Какъ высшій государственный умъ, онъ не боялся искать ее въ обществѣ. Исканіе публичнаго суда, правды и гласности было присуще и обществу. «Одинъ способъ защиты и противодѣйствія (злоупотребленіямъ) былъ въ Сибири до 1819 г., писалъ Сперанскій: жалобы и доносы». И въ самомъ дѣлѣ, всѣ правительственныя инстанціи были завалены этими жалобами. Они проходили длинную процедуру, обременяли учрежденія и въ концѣ все-таки мало выясняли дѣло, такъ какъ дальность разстояній и незнаніе мѣстныхъ условій мѣшали разсмотрѣть истину. Она закрывалась всегда лицами заинтересованными подавить эти жалобы. Тогда челобитчикъ искалъ путей лично прошикнуть за тысячи верстъ и искать правосудія. Онъ являлся отъ цѣлаго общества, какъ явился при Александрѣ I мѣщанинъ Саламатовъ и палъ къ ногамъ Государя. До сихъ поръ паломничество этихъ челобитчиковъ осталось въ обычай*).

Но тамъ, гдѣ строй администраціи улучшается, гдѣ правительство ищетъ сближенія съ обществомъ, эти старые способы сношеній исчезаютъ и ищутъ новыхъ формъ. Нынѣшнимъ челобитчикомъ Саламатовымъ является печать.

Выполняя столь высокое призваніе, мы понимаемъ, что печать обязывается быть дѣйствительнымъ ходатаемъ за общество. Вспомнимъ, что областная печать только что пародается. Открытый и смѣлый голосъ печати на Востокѣ—диво, вещь неслыханная, невиданная. То, что известно давно въ Россіи, то неизвѣстно въ Сибири. Мѣстныя дѣла и всѣ событія на Востокѣ и въ Сибири доходили до правительства непосредственно только чрезъ одинъ источникъ, мѣстную административную власть, что сдѣлало ее черезъ-чуръ ревнивою. Теперь эта печать, какъ голосъ общества, осмѣливается говорить въ столицѣ предъ лицомъ высшей центральной власти. И вотъ то, что является въ высшей степени выгоднымъ для центральной власти, то можетъ казаться невыгоднымъ для тѣхъ, кто имѣетъ основаніе ее опасаться.

Появляясь отсюда разныя недоразумѣнія и обвиненія, сыпавшіяся съ мѣсть на тѣхъ, кто покушается изобразить положеніе вещей на окраинахъ. Что касается насъ, то мы знаемъ, что недоразумѣнія и претензіи могутъ быть не со стороны правительства и центральной власти, такъ

какъ принципы, приводимые нами, вполне легальны. Мы стоимъ за мѣропріятія, начинанія и реформы въ краѣ, исходяція отъ правительства, наша задача поддерживать въру населенія въ то, что ему доступны будутъ гражданскія права, дарованныя и другимъ областямъ.

Мы совершенно спокойны за принципы, которымъ служимъ, зато отношеніе мѣстной администраціи къ печати можетъ быть не всегда одинаково.

Лучшіе администраторы всегда пользовались общественнымъ и частнымъ мнѣніемъ въ Сибири, какъ Сперанскій, графъ Муравьевъ-Амурскій, Деспотъ-Зеновичъ, генераль Синельниковъ, генераль-адъютантъ Казнаковъ, и желали знать о злоупотребленіяхъ и неисполненіи законовъ подчиненными. Они были администраторами и ревизорами, и поэтому ихъ управленіе составляетъ лучшія страницы въ исторіи края. Мы могли бы указать, когда гласность оказала серьезныя услуги въ выясненіи мѣстныхъ дѣлъ, такъ напримѣръ при раскрытіи Амурскихъ дѣлъ, Алтайскихъ злоупотребленій и т. п. Но находились конечно и такіе мѣстные администраторы, которые вмѣсто того, чтобы прибѣгнуть къ обществу и прислушаться къ нему, стремились увѣрить, что въ данной мѣстности все прекрасно, что люди на подборъ отличные и что человѣческія дѣла здѣсь, по какому-то неисповѣдному закону, стоятъ внѣ человѣческихъ ошибокъ. Кто не знаетъ, какъ горько приходилось разочаровываться въ этомъ. Вскорѣ высшая администрація должна была посылать въ Сибирь слѣдователей и ревизоровъ. Мы не удивимся, если для того, чтобы заглушить частный голосъ, обращенный къ правительству, люди заинтересованные въ безгласности на Востокѣ будутъ прибѣгать и нынѣ къ различнымъ фикціямъ и предлагать заградить этой печати уста. Въ этомъ случаѣ мы положимся на мудрость высшей администраціи, которая всегда сумѣетъ отличить предлогъ отъ сущности дѣла.

Мы смѣемъ думать, что прикрывать злоупотребленія не значитъ охранять и ограждать власть. Плохую услугу оказываютъ правительству тѣ изъ противниковъ областной печати, которые требуютъ не касаться мѣстныхъ злоупотребленій и беззаконій, во избѣжаніе подрыва авторитета власти на окраинахъ, какъ будто печать можетъ прибавить что либо къ тому, что известно хорошо на мѣстахъ и что служитъ предметомъ ропота. Результатъ этого можетъ быть совсѣмъ противоположный видамъ правительства—полная безконтрольность. Вопіющія дѣла, извѣстныя всѣмъ на окраинѣ, останутся закрытыми только предъ высшимъ правительствомъ.

Потребность частной печати и то, что путемъ ее доходить, не есть дѣло нашего личнаго интереса. Будетъ-ли существовать «Восточное Обозрѣніе» или другой органъ—безразлично. Мы хотимъ только сказать, что вопросъ этотъ тѣсно связанъ съ проявленіемъ общественной мысли на Востокѣ и сознанія вообще, уничтожить которыя едва-ли возможно. Тѣмъ, кто сѣтуетъ въ этомъ случаѣ на насъ, мы советуемъ подумать о томъ, что мы только слабые и сдержанные выразители того, что высказывается гораздо громче въ обществѣ на окраинахъ, и что носить печать дѣйствительнаго положенія дѣлъ.

*) Недавно было сообщено, что изъ Горнаго Алтая снаряжена въ Петербургъ депутація инородцевъ съ ходатайствомъ о своихъ дѣлахъ. Точно также иногда снаряжаютъ ходатаевъ крестьянскія волости и общества, немогшія добиться правосудія. Можно представить себѣ, во что это обходилось и съ какими хлопотами сопрягалось. Часто ходатаи неумѣли добиться, чтобы голосъ ихъ былъ даже услышанъ.

ХРОНИКА.

Намъ доставлены слѣдующія свѣдѣнія о постройкѣ Сибирскаго университета. Въ началѣ текущаго года, а именно съ 15 апрѣля, приступлено къ постройкѣ втораго этажа каменнаго служебнаго флигеля, кладка коего окончена къ 3 мая и затѣмъ приступлено было къ постановкѣ стропилъ съ обрѣшеткою, и къ устройству крыши съ окраскою оной масляною краскою; кромѣ того, къ половинѣ іюля окончены въ этомъ флигелѣ подшивка потолковъ и смазка чердака и черныхъ половъ, а во второмъ этажѣ вставлены рамы и придѣланы временныя наружныя двери. Посему, согласно назначенію комитета, во второй этажъ служебнаго флигеля перенесена бібліотека Сибирскаго университета, уложенная въ ящики, и другое имущество, пожертвованное университету, калѣ-то: археологическая, этнографическая, минералогическая и другія коллекціи; въ нижнемъ этажѣ сдѣланъ складъ желѣза и алебаstra.

Деревянное зданіе астрономической обсерваторіи съ каменнымъ подвальнымъ этажемъ, предназначенное для квартиры профессора астрономіи, а также примыкающей къ нему небольшой деревянный домъ, предназначенный для аудиторіи, бібліотеки и кабинета студентовъ по астрономіи, совершенно окончены къ 1 іюля, за исключеніемъ нѣкоторой части внутренней оштукатурки и наружной обшивки. Подвальный этажъ перваго изъ сихъ домовъ отданъ былъ на лѣтнее время подъ помѣщеніе нѣкоторой части каменщиковъ, а верхній этажъ занятъ квартирою архитектора; второй же малый одноэтажный деревянный въ три комнаты домъ отданъ подъ помѣщеніе чертежной и канцеляріи комитета.

Къ продолженію каменной кладки надъ фундаментомъ главнаго университетскаго зданія съ двумя боковыми двухъэтажными флигелями, предназначенными исключительно для учебныхъ цѣлей,—приступлено съ 1 мая, къ каковому времени предварительно уложенъ былъ цокольный камень вокругъ всего главнаго зданія съ флигелями, по лицевой сторонѣ въ три ряда (вышиною въ 15 вершковъ) и съ задняго фасада въ одинъ рядъ (5 вер.). Каменная кладка начата при 112 человекѣ каменщиковъ и такомъ же числѣ подносчиковъ, но изъ числа сихъ каменщиковъ 8 человекъ заняты были часть лѣта обтескою карнизной плиты, 2 человека почти половину лѣта прохворали и 2 человека до іюля мѣсяца заняты были выкладкою каменныхъ столбовъ подъ стропила и дымовыхъ трубъ съ боровами, въ служебномъ флигелѣ, остальные же 100 человекъ поставлены были съ самаго начала работъ исключительно на кирпичную кладку главнаго зданія съ флигелями. За симъ, въ началѣ августа, комитетъ хотя и призналъ желательнымъ увеличить число каменщиковъ до 20 человекъ съ соотвѣтствующею прибавкою подносчиковъ, ввиду значительнаго подвоза кирпича, но по недостатку въ Томскѣ мастеровъ этой категоріи, ихъ нанято было только 8 человекъ. Съ 1 мая по 1 октября выведены боковые флигеля подъ крышу съ укладкою плиты, причемъ на лѣвомъ флигелѣ поставлены стропила съ обрѣшеткою, съ покрытіемъ онаго постоянною желѣзною крышею, а на правомъ флигелѣ приступлено къ постановкѣ стропилъ; средняя же трехъэтажная часть зданія выведена: двѣ параллельныя (продольныя) стѣны до крыши флигелей, а переднія двѣ до подьконниковъ втораго этажа тѣхъ флигелей; причемъ недостроенная средняя часть покрыта на зимнее время тесомъ, а окна заложены вокругъ всего зданія наглухо кирпичемъ. Независимо означенныхъ рабочихъ въ теченіи всего лѣта состояло постоянно отъ 17 до 27 человекъ плотниковъ, занимавшихся исключительно приготовленіемъ оконныхъ, дверныхъ и арочныхъ кружалъ, подмостокъ и постройкою лѣсовъ, а равно настилкою черныхъ половъ по 2 этажу съ лѣвой двухъ-этажной части и на чердакахъ обѣихъ двухъ-этажныхъ частей.

Кирпичъ. Къ началу лѣтнихъ работъ комитетъ имѣлъ кирпича отъ зимняго запаса 1.489,250 шт. и въ теченіи лѣтняго рабочаго времени подвезено къ мѣсту университетскихъ построекъ еще 1.953,005, итого 3.442,255 шт. Изъ этого числа употреблено: на достройку втораго этажа служебнаго флигеля 210,000, на постройку главнаго зданія 3.067,616 шт. и осталось для работъ 1883 года 164,639.

Известъ. Къ началу лѣтнихъ работъ заготовлено было косиковой извести (кипѣлки) до 124 т. пуд. для укладки отъ 3½ до 4 мрѣ. шт. кирпича; извести этой, вслѣдствіе ея доброкачественности, употреб-

лено въ дѣло не болѣе половины, другая же половина осталась запасомъ для работъ 1883 года.

Лѣсъ. Лѣсная операція произведена въ нынѣшнемъ году вполне удовлетворительно. Изъ заподряженнаго изъ дачъ Алтайскаго горнаго вѣдомства чрезъ пятерыхъ подрядчиковъ лѣса, въ количествѣ 15,930 шт. доставлено въ Томскъ и вывезено къ мѣсту университетскихъ построекъ 13,461; недостающее же за симъ количество 969 лѣсницъ застигнуты льномъ въ двухъ-трехъ верстахъ отъ мѣста университетскихъ построекъ, которыя будутъ подвезены на средства подрядчиковъ зимою. Независимо сего доставленъ и вывезенъ къ мѣсту университетскихъ построекъ и тотъ лѣсъ, который недоставленъ былъ подрядчикомъ Чичеринымъ въ минувшемъ году, а именно: круглаго лѣса 3,030 шт., плахъ 1,500 шт. и тесу 2,500 шт.

Желѣзо. Кровельное листовое желѣзо, по неизмѣннѣю таковаго въ достаточномъ количествѣ въ г. Томскѣ,—заказано было еще минушею зимою на Алапаевскомъ заводѣ наслѣдниковъ Яковлевыхъ въ количествѣ 3,200 пудовъ, по 3 р. за пудъ, которое и доставлено къ мѣсту университетскихъ построекъ въ полной исправности. Равнымъ образомъ, заказанныя минушею зимою въ салаирскихъ рудникахъ связи и скобы, всего вѣсомъ 864 п. 8 ф., доставлены въ Томскъ къ самому началу работъ.

Столярныя работы. Недостатокъ въ мастерахъ по столярной части въ г. Томскѣ весьма ощутителенъ и притомъ мастера эти настолько не обладаютъ матеріальнымъ достаткомъ, что постоянно затрудняются въ наймѣ подмастерьевъ, требующихъ всегда плату впередъ. Приисканный комитетомъ, при такихъ условіяхъ, мастеръ имѣлъ возможность сдѣлать только рамы и двери для дома астрономической обсерваторіи и каменнаго служебнаго флигеля, а затѣмъ отъ дальнѣйшихъ столярныхъ работъ для главнаго университетскаго зданія отказался. Въ виду сего комитетомъ нынѣ былъ приглашенъ мастеръ изъ Омска, привезшій съ собою нѣсколько человекъ опытныхъ подмастерьевъ, при содѣйствіи которыхъ онъ весьма удовлетворительно выполнилъ заказъ по устройству лѣстницъ и зимнихъ оконныхъ рамъ и дверей для всего подвального этажа главнаго университетскаго зданія.

Денежныя средства комитета находятся въ слѣдующемъ видѣ. Для работъ 1882 года комитетъ получилъ отъ Министерства народнаго просвѣщенія: пожертвованные коммерціи совѣтникомъ Цибульскимъ 41,916 р. 97 к., изъ пожертвованія покойнаго благотворителя Демидова: въ іюлѣ мѣсяцѣ 88,476 р. 45 к. и въ октябрѣ 15,533 р. 3 к. Итого 145,926 р. 45 к.

Изъ означенной суммы удовлетворены всѣ необходимыя въ текущемъ году строительныя расходы, и кромѣ того остается на приготовленіе строительныхъ матеріаловъ для работъ 1883 года до 6,000 руб. Эта сумма будетъ употреблена на плату пильщикамъ за распиловку лѣса, такъ какъ въ будущемъ году на устройство лѣсовъ при постройкахъ и на столярныя подѣлки потребуются значительное количество плахъ. Для сушки имѣющагося уже въ запасѣ отборнаго лѣса для столярныхъ подѣлокъ устроена особая сушильня въ три яруса, съ постановкою чугунныхъ печей съ желѣзными трубами.

Коснувшись вопроса о денежныхъ средствахъ на постройку университетскихъ зданій, комитетъ заявляетъ, что, не располагая въ настоящее время денежными средствами и неизмѣя никакихъ свѣдѣній о той суммѣ, которая будетъ отпущена ему въ будущемъ году для продолженія университетскихъ построекъ, онъ поставленъ нынѣ въ затруднительное положеніе въ отношеніи заготовленія строительныхъ матеріаловъ для работъ 1883 года, какъ-то: извести, цокольнаго камня и карнизной плиты, кирпича, желѣза, столярныхъ матеріаловъ и проч., а равно по законтрактованію каменщиковъ, столяровъ, штукатуровъ и другихъ рабочихъ. Поэтому комитетъ будетъ ходатайствовать у г. Министра Народнаго Просвѣщенія о предоставленіи въ распоряженіе комитета въ нынѣшнемъ году на приготовленіе строительныхъ матеріаловъ, для работъ будущаго примѣрно до 25,000 р. и объ ассигнованіи комитету съ 1 января 1883 г., строительнаго кредита до 400,000 р. для продолженія университетскихъ построекъ.

Приходъ равенъ былъ 284,355 р. 14 к. Кромѣ того въ распоряженіи комитета по 1 октября состоитъ: а) пожертвованныхъ на домъ общежитія для сибирскихъ студентовъ 19,614 руб. 4 коп.; б) красноярскимъ городскимъ обществомъ для нуждъ университета по усмотрѣнію университетскаго начальства 500 руб.; в) на учрежденіе четырехъ разныхъ стипендій при сибирскомъ университетѣ въ процентныхъ бумагахъ и наличныхъ деньгахъ 22,713 р. 26 к. Итого 42,827 р. 30 к.

Расходъ равенъ 277,898 р. 44 к. Затѣмъ къ 1 октября осталось строительнаго капитала 6,456 р. 70 к., суммъ пожертвованныхъ на домъ студенческаго общежитія, на стипендіи и другія надобности 42,827 руб. 30 коп. Итого 49,284 руб.

Давно обращаетъ на себя вниманіе блюстителей закона обычай, принятый въ сибирской тайгѣ золотопромышленниками-хозлевами вершить судъ и расправу съ наемными рабочими людьми, по положенію вольными. Съиздавна золотопромышленники завели для этого дружбу и сближеніе съ горными исправниками. Обыкновенно недовольные рабочимъ безъ всякаго суда посылаютъ записку горному исправнику и тотъ съ казакомъ, безъ всякаго разбирательства, наказываетъ рабочаго. Такіе горные исправники болѣе всего на руку золотарямъ, привыкшимъ къ жестокой расправѣ; обыкновенно такимъ лицамъ платятъ по рублю съ рабочаго. Доходъ выходитъ круглый, принимая сотни и тысячи рабочихъ. Вотъ какъ описываютъ доблести исправляющаго должность горнаго исправника въ енисейской тайгѣ, нынѣ, къ счастью, смѣняемаго:

«Золотопромышленники отзывались о немъ, что давно не помнятъ такого дѣятельнаго, энергичнаго исправника: достаточно какому-либо золотарю послать записку къ исправнику, и послѣдній, въ сопровожденіи казака, немедленно мчится верхомъ во весь карьеръ, оглашая дремучую тайгу звуками охотничьей трубы. Легко догадаться, зачѣмъ посылалась записка. Начинается порка рабочихъ, и если крестьянинъ напомнитъ, что по закону онъ изъятъ отъ тѣлеснаго наказанія, то получаетъ не менѣе 50 розогъ, а поселенецъ, вмѣстѣ съ нимъ наказываемый, только 10. Этимъ доказывается, что для сибирскихъ дебрей законъ не писанъ. Съ пріѣздомъ новаго губернатора назначенъ дѣйствительный горный исправникъ, который уже находится на промыслахъ, но прежній исправникъ до сихъ поръ не передалъ ему должности и продолжаетъ свою дѣятельность.

«Золотопромышленники, въ особенности тѣ изъ нихъ, которые происходятъ изъ конюховъ и лакеевъ, вполне оправдываютъ поговорку: «не дай Богъ съ Ивана пана» и отличаются варварскимъ обхожденіемъ съ рабочими. Они въ особенности горюютъ о смѣнѣ своего любимца и просили его протянуть сдачу должности, обѣщая заплатить ему, а не дѣйствительному исправнику, за истекающую операцію по рублю «съ рыла», т. е. съ рабочаго. Тѣ же енисейскіе золотопромышленники наши недовольны помощникомъ горнаго исправника, человекомъ образованнымъ и нелюбящимъ пороть рабочихъ.

Недавно мы сообщили о почтенномъ трудѣ «Описаніе Енисейской губерніи», на который было употреблено много времени и усилій. Теперь произведена литературная оцѣнка этому труду. Красноярская дума порѣшила выдать автору полтора рубля. Удивительно дешево цѣнится литературный трудъ, особенно сравнительно съ золотопромышленнымъ. Научная и статистическая работа оцѣнена чуть не по 10 руб. въ мѣсяць, много по 25 р., если на составленіе ея положить полгода, по надъ ней работалось больше. За то красноярцы цѣнятъ далеко выше свой собственный трудъ, или даже бездѣльничанье. О жалованьяхъ и наградахъ на пріискахъ намъ передаютъ такую характеристику. «Въ одной изъ компаній, которыя сами не работаютъ пріисковъ, но отдаютъ ихъ на золотники, уполномоченный получаетъ 300 рублей въ мѣсяць. Все его занятіе состоитъ въ заключеніи условій съ золотничниками и закупѣ припасовъ, которыми уполномоченный снабжаетъ только излюбленныхъ золотничниковъ. Еслибъ такой «уполномоченный» соблюдалъ выгоды хозяина, тогда бы еще сколько-нибудь было понятно, за что ему платятъ такія дикія деньги. Но бываетъ и такъ: компанія работала пріискъ, добывала золота по пуду въ день и получала громадныя барыши. Управляющимъ сдѣлали человека, еще недавно бывшаго конюхомъ, и К^о понесла большіе убытки. Порѣшили прекратить компанейскія работы и отдать пріискъ на золотники. Золотничникомъ оказался тотъ же дѣятель, который причинилъ убытки компаніи, и на томъ же пріискѣ получаетъ большіе барыши. Такому ловкачу уполномоченный чуть не даромъ отдалъ компанейскія лошадей; предоставилъ брать изъ амбара на подержаніе всевозможное компанейское имущество, которое возвращается въ К^о негоднымъ или перемѣняется ловкачемъ на худшее; ему же разрѣшено вывезти сплотки, стоившія К^о болѣе 8,000 р.; К^о отпускаетъ ему по своимъ

цѣнамъ товары и матеріалы, на которыхъ мѣстный Разуваевъ беретъ огромный барышъ съ рабочихъ, и, какъ описывали, начинаетъ таскать на арканѣ. Въ довершеніе особенныхъ благодѣній уполномоченнаго—отданъ другой богатый пріискъ, несмотря на то, что уполномоченному предлагали работать этотъ пріискъ двумя гривнами дешевле съ золотника, чѣмъ получаетъ ловкій арендаторъ. За такія-то полезныя для К^о дѣйствія уполномоченный получаетъ 300 руб. въ мѣсяць! Послѣ этого, мнѣ кажется, что чѣмъ заниматься описаніемъ Енисейской губерніи, гораздо выгоднѣе попасть въ золотничники на такихъ условіяхъ, какъ бывшіе конюхи, и даже поступить на службу къ этимъ благодѣтелямъ».

28 ноября въ Солянномъ Городкѣ, въ присутствіи переполнившейся аудиторіи публики, состоялось чтеніе г. Овсянникова: «Ермакъ, покоритель Сибири».

Лекторъ въ началѣ лекціи указалъ на ту «громкую извѣстность», которою пользуется имя завоевателя. «Имя Ермака — достояніе вполне народное, сказалъ онъ, и что мудренаго, что русскій народъ чтитъ память его — этотъ витязь съ горстью такихъ же, какъ онъ, молодцовъ, завоевалъ цѣлую обширнѣйшую страну, поклонился русскому царю Сибирью — «золотымъ дномъ». Не даромъ же, почитая память храбраго Ермака, народъ превозноситъ его въ своихъ пѣсняхъ и называетъ чудо-богатыремъ; не даромъ же народъ окружаетъ его имя и до нашихъ дней представленіями чего-то чудеснаго, баснословнаго». Далѣе лекторъ пригласилъ публику «познакомиться съ дѣятельностью достопочетнаго человека». Изложивъ кратко біографію Ермака, относящуюся къ періоду, предшествовавшему его переговору съ Строгановыми, онъ упомянулъ о томъ положеніи, въ которомъ находились русскіе «мѣста» по порогамъ рр. Камы и Чусовой, — въ частности — о дѣятельности именитыхъ людей, а затѣмъ предпослалъ описаніе царства Кучума. Оно было тамъ, гдѣ теперь Тобольская губернія. Потомъ лекторъ перешелъ къ указанію инородцевъ, которыхъ встрѣтили русскіе, къ описанію Искера и его развалинъ.

Вслѣдъ за симъ лекторъ перешелъ къ описанію подвиговъ Ермака и его дружины, причемъ упомянулъ объ извѣстныхъ ихъ хитростяхъ съ врагами и о перенесенныхъ ими въ незнакомой, вражеской странѣ трудностяхъ; послѣ эпизодовъ, рисующихъ дѣятельность завоевателей, онъ привелъ относящіяся сюда характерныя выдержки изъ народныхъ былинъ. Лекторъ не опустилъ также безъ вниманія дѣятельность завоевателя, какъ администратора въ покоренной имъ странѣ. «Задерживаемый холодомъ, Ермакъ не пускался до весны слѣдующаго 1582 г. на дальнѣйшія завоеванія, а занялся устройствомъ внутренняго порядка — и на этомъ поприщѣ стяжалъ себѣ новую славу. Бывшій атаманъ разбойниковъ являлся теперь разумнымъ правителемъ и мирно становился во главѣ земской дружины, долженствовавшей прочіе побѣды утвердить господство Россіи по ту сторону Уральскаго хребта до Оби и Тобола».

Въ заключеніе, описавъ посольство Кольцо въ Москву и геройскую смерть Ермака, г. Овсянниковъ такъ закончилъ свою лекцію: «И такъ, благодаря Ермаку, присоединена страна, составляющая важное, неоцѣненное приобрѣтеніе для Россіи... Нѣтъ, не умретъ славная память о Ермакѣ и въ отдаленномъ потомствѣ. Заслуга его безсмертна, имя его всегда будетъ жить въ памяти русскаго народа, умѣющаго цѣнить подвиги и чтить свято память людей, съ честью и славою послужившихъ родинѣ». Чтеніе сопровождалось недурными туманными картинами, изображавшими главные моменты историческаго событія; все это, какъ мы слышали, повторится 6 декабря въ томъ же Солянномъ Городкѣ. Говоря объ открытіи памятника въ Тобольскѣ, лекторъ выразился, что самымъ лучшимъ памятникомъ Ермаку служить конечно сама Сибирь.

На этой недѣлѣ, какъ говорили въ Петербургѣ, окончательно будетъ рѣшенъ вопросъ о постройкѣ Тюменско-Уральской желѣзной дороги; предложеніе г. Штейнбока отклонено и дорога будетъ строиться на казенный счетъ. Послѣднее дѣло рѣшенное.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Изъ Кульджи (Корреспонденція „Восточ. Обозр.“). 11 сентября происходила торжественная закладка новаго большого города, предназначеннаго подъ резиденцію цзяньцзюня илійскаго. Городъ разбитъ южиѣ Суйдуна въ восьми верстахъ. Никого изъ русско-подданныхъ китайцы не допустили зрѣть церемонію закладки, опасаясь вѣроятно дурнаго инновѣрнаго глаза. Всѣ были одѣты въ торжественныхъ одеждахъ, которыя надѣваются при представленіи ко двору Богдыхана. Заколотъ былъ быкъ для жертвоприношенія, молитву читалъ самъ цзянь-цзюнь Цзинь. Изъ высшихъ чиновниковъ присутствовалъ Чанъ-Ивучу и Лиу-Дарынъ. Сожжено было много жертвенныхъ свѣчей. Этотъ городъ замѣнитъ собою разрушенную маньчжурскую Кульджу; строиться будетъ не по наряду, а наймомъ рабочихъ. На постройку этого города, равно на возобновленіе таранчинской Кульджи и постройку разныхъ казенныхъ зданій ассигновано 700 тыс. ланъ, т.-е. 1.400,000 серебряныхъ рублей. Строителемъ новаго города назначенъ чиновникъ Утунджи. Окончаніе постройки стѣнъ ожидаютъ черезъ годъ. Въ плату рабочимъ предположено отпускать по 40 коп. серебромъ въ день.

Нынѣшняя резиденція Илійскаго генераль-губернатора Суйдунъ украшается внутри все болѣе и болѣе постройкою новыхъ домовъ и магазиновъ; стѣны Суйдуна уже возобновлены съ трехъ сторонъ, переставрированной осталась пока южная стѣна. За Суйдунскими стѣнами воздвигнуты уже три улицы лавокъ торговцевъ китайцевъ и сартовъ.

Около 10 сентября у оз. Сайрама дунганскою шайкою, оперировавшею съ давнихъ поръ на уроч. Кызымчикѣ, разграбленъ транспортъ китайскаго казеннаго серебра на 1000 ямбъ (150 тысячъ серебряныхъ рубл.), причемъ убито дунганями до 10 чел. китайцевъ.

Съ октября закрыта въ г. Кульджѣ почтовая контора; оставленъ только одинъ станціонный смотритель.

17 сентября среди бѣлаго дня (2 часа) китайскіе солдаты изъ Суйдуна угнали у нашихъ сувановскихъ киргизовъ до тысячи лошадей. Для угона ихъ, китайскіе солдаты перешли границу нашу черезъ р. Хоргосъ.

Изъ Фергана (Корреспонденція „Восточ. Обозр.“). Жизнь Востока слишкомъ полна всевозможными институтами права, явленіями обыденной жизни, съ трудомъ поддающимся анализу, съ точки зрѣнія европейской науки, даже съ точки зрѣнія нашей справедливости. Конечно, время сдѣлаетъ свое дѣло, даже при полной несостоятельности нашихъ цивилизаторовъ, взявшихъ на себя высокую задачу просвѣщенія Востока, думающихъ, что Востокъ есть дивизія, гдѣ циркуляръ и слово „смирно“, сдѣлаютъ великій прогрессъ. Такъ или иначе, вліяніе нашего культурнаго закона должно отразиться на туземной средѣ, внести въ нее кое-какіе новые взгляды на жизнь и житейскія отношенія. Хотя обычное право туземцевъ является выраженіемъ народной жизни, результатомъ живой, практической работы нѣсколькихъ поколѣвій, но оно, думаемъ, можетъ быть терпимо до тѣхъ поръ, пока не нарушаетъ аксіомы цивилизованнаго міра въ сферѣ справедливости. Правительство, при завоеваніи края, оставляя въ силѣ обычное право, проводило выше приведенное положеніе. Взглядъ этотъ понятенъ, съ точки зрѣнія справедливости, ибо до прихода русскихъ существовали у туземцевъ такіе институты права, какъ рабство, такіа наказанія, какъ отсѣченіе рукъ и ушей (см. Юридическій Вѣстникъ 1880 г., книга 7-я стр. 541). Но отмѣтимъ другую сторону медали изъ народной жизни, укажемъ на такіе институты, какъ брачное право, съ его отношеніями супруговъ, попробуемъ поднять завѣсу этихъ тайниковъ, хотя отчасти, гдѣ сплосъ и рядомъ творятся возму-

щающія совѣсть дѣла, и мы, при полномъ желаніи освѣтить, по возможности, эти подвалы тьмы, пустить въ нихъ живую струю воздуха, останемся безусловно бессильными. Кое-какіе лишь голоса долетаютъ до насъ изъ этого подвала рабства и земной юдоли печали. Замкнутость женщины на Востокѣ дѣло извѣстное. Скажемъ однако, что сарты дошли до апофеоза безобразія по этому вопросу. Они выпускаютъ своихъ женъ и дочерей на улицу, на базаръ не иначе какъ съ темными сѣтками изъ конскаго волоса, закрывающими все лицо, что у татарокъ замѣняется легкой вуалью (тюль), а киргизки всѣ и всюду ходятъ съ открытымъ лицомъ. Женщина не принимаетъ никакого участія въ дѣлахъ, виѣ ея сакли, это безгласное животное, окруженное ласками, пока молода, и побоями, когда не можетъ быть игрушкою сладострастія въ рукахъ своего всевластнаго таксыра (господина), когда наступаетъ старость. Семейныя драмы вырываются на свѣтъ Божій, хотя рѣдко, фигурируя на судѣ казіевъ, или русскомъ. Но, при всемъ желаніи администраціи, которая, въ качествѣ второй инстанціи, разбираетъ эти дѣла, по жалобамъ на рѣшенія суда казіевъ, улучшить положеніе этихъ несчастныхъ твореній дѣло почти невозможное. Разводы супруговъ практикуются часто и легко, но они скорѣе являются могучимъ орудіемъ въ рукахъ сластолюбивыхъ туземцевъ, чѣмъ пособіемъ для женщины въ ея некрасивой долѣ. Эта аномалія, трудно поддающаяся вліянію русскаго закона, нашимъ идеямъ, всецѣло лежитъ въ фанатизмѣ народа, казіевъ, основанномъ на 4 главѣ, 38 ст. корана, которая гласитъ, что жена ниже достоинствомъ мужа, что мужъ можетъ бить своихъ женъ за непокорность къ нему. Что-же нужно еще? Понятно, что мудрые фанатики казіи всегда оправдаютъ мужа и найдутъ неприличнымъ подачу женою жалобы на супруга, ибо она должна безропотно, по корану, переносить побои. Браки совершаются почти въ младенческомъ возрастѣ и старикъ въ 70 лѣтъ часто женится на дѣвчкѣ въ 11 или 12 лѣтъ! Замѣтимъ, что между русскими есть такіе философы, которые, крича о какой-то „самобытности“, о вредѣ нашей цивилизаціи, преклоняются всему сартовскому и одобряютъ даже положеніе у сартовъ женщины, указывая, что ея высокое положеніе объясняется правомъ ея имѣть отдѣльную отъ мужа собственность. Но мы удивляемся этимъ милымъ сартофиламъ, ибо бранить нашу цивилизацію гораздо легче, чѣмъ изучать ея прогрессивное движеніе, ея мысли, доводы же ихъ о собственности тѣмъ болѣе не выдерживаютъ и школьной критики, что коранъ обезличилъ женщину, а обезличенный субъектъ едва-ли въ состояніи реализовать свое право, хотя бы оно, *de jure*, принадлежало ему. Думаемъ, что изъ тысячи случаевъ женщина реализуетъ свое отдѣльное право собственности всего два или три раза, но мы встрѣчали нерѣдко факты, когда мужа продавали своихъ женъ въ русскіе публичные дома. Одно зло порождаетъ всегда другое. Такъ случилось и въ жизни туземцевъ. Отсутствие женщины между мужчинами породило другое возмутительное явленіе, бачебазство, и извращеніе естественныхъ отношеній. Открытымъ бачебазствомъ туземцы называютъ укаживаніе за бачею (мальчикъ, который поетъ и пляшетъ), но не нужно быть проницательнымъ, чтобы понять всю гадость этого явленія.

Наши сартофилы, старающіеся прикрыть развратъ народа, называютъ это постыдное явленіе „платоническою любовью“. Бачей держатъ богатые туземцы на свой счетъ, а бѣдные компаніями, джурами, и изъ-за нихъ то и дѣло совершаются даже убійства. Въ „Криминалистѣ“ за 1882 г. № 6 появилась замѣтка о судѣ казіевъ, гдѣ авторъ съострилъ, говоря, что французы въ каждомъ преступленіи ищутъ „qui est la femme“, а слѣдователь въ туркестанскомъ краѣ долженъ искать „qui est le batcha“? Приведемъ, въ заключеніи, нѣсколько приговоровъ мудрыхъ казіевъ (судьи сартовъ) и

біевъ (судьи киргизовъ) по дѣламъ, гдѣ рельефно рисуется взглядъ ихъ на жизнь и честь женщины:

I. Судъ біевъ. 1) би за убійство женщины приговорили обвиняемаго къ уплатѣ куна въ 380 руб.; в) за покушеніе на изнасилованіе приговорили обвиняемаго къ уплатѣ потерпѣвшей 1 лошади, 1 халата и 2 тиллей (тилля=3 р. 80 к.). II. Судъ казіевъ. с) за похищеніе дѣвушки съ цѣлью изнасилованія приговорилъ обвиняемаго къ тюремному заключенію на три мѣсяца; д) за изнасилованіе дѣвушки казіи обязали жениться на изнасилованной и выдать ей 60 тиллей. Въ приговорѣ сказано: „совершить обрядъ брака по шаригату“, не упоминая ничего о согласіи дѣвушки. Что же касается бачебазства, то оно или оправдывается казіями, или наказуется весьма легкимъ арестомъ.

Благовѣщенскъ, 14 сентября (корреспонденція «Восточ. Обозр.»). У насъ что ни день, то новая „злота дня“. Въ данный моментъ вся злота, именно злота, сосредоточена на неаккуратности прихода почты: съ 20 іюля почтовые пароходы перестали доставлять намъ московскую почту въ назначенное время, теперь вмѣсто 2-хъ только одинъ разъ въ мѣсяць приходитъ московская почта и то съ грѣхомъ пополамъ. Послѣ 20 іюля почтовый пароходъ „Чита“ прибылъ изъ Стрѣтенска вмѣсто 5 августа—20-го, и безъ почты; забравъ Благовѣщенскую корреспонденцію, въ тотъ же день отправился въ Хабаровку. Спустя полсутки пришелъ пароходъ „Аргунъ“ и привезъ почту, а на завтра отправился обратно въ Стрѣтенскъ, почта же, слѣдующая въ Приморскую Область, была сложена въ здѣшней почтовой конторѣ до слѣдующаго отправленія, т.-е. до 5 сентября; такимъ образомъ выходитъ, что вся Пр. Об. по милости субсидируемаго товарищества Амурскаго Пароходства оставалась 1½ мѣсяца безъ московской почты. Вотъ второй фактъ абсурда: почта изъ Стрѣтенска была сплавлена отъ 1 сентября въ Покровку на лодкахъ, пароходъ же „Зея“ стоялъ ниже Покровки въ ста верстахъ; чего бы казалось проще, сплавить почту еще ниже къ пароходу, который могъ бы доставить оную, при этомъ просрочивъ на 3-е сутокъ (вмѣсто 2-хъ, какъ и было), такъ нѣтъ: товариществу угодно было распорядиться такъ, чтобы пароходъ ушелъ порожній и Амурскіе жители остались безъ почты; такимъ образомъ, съ 20 іюля по настоящее время мы получили московскую почту одинъ только разъ! Весеннія свѣдѣнія намъ приходится читать глубокой осенью. А вотъ еще иллюстрація: по милости той же администраціи, здѣсь на берегу Амура подъ открытымъ небомъ жили цѣлый мѣсяць 300 чело-вѣкъ безсрочныхъ солдатъ, которыхъ Т-во обязано было и имѣло возможность доставить своевременно въ Стрѣтенскъ, но оно позаботилось о перевозкѣ тогда уже, когда пароходы неимѣли возможности подниматься выше Покровки, а къ тому времени подоспѣла другая такая же партія, которая и сѣла на шею обывателямъ Благовѣщенска до будущей навигаціи.

Въ то время какъ солдаты жили подъ открытымъ небомъ, а жители Амура не получали московскую почту въ теченіи 1½-хъ мѣсяцовъ, Т-во перевозило частные грузы; это ли не эксплуатація? За что же, спрашивается, Т-во получаетъ 240,000 рублей субсидій?

Иркутскъ (корр. „Восточ. Обозрѣн.“). Нѣкоторые думаютъ, что всѣ потребности населенія состоятъ въ томъ и все благосостояніе его зависитъ отъ того, чтобы давать какъ можно болѣе денегъ на полицію. По крайней мѣрѣ это можно сказать въ отношеніи къ Иркутску. Не проходитъ года, чтобы въ думу не поступало нѣсколькихъ требованій объ увеличеніи расходовъ на содержаніе полиціи. Требования эти заявляются въ самой разнообразной формѣ. То нужны деньги на принятіе мѣръ противъ сифилиса, то на прекращеніе пожаровъ, то по случаю лѣтняго времени. Логика остается

при этомъ въ сторонѣ. Почему именно, напримѣръ, нужно усиливать полицію лѣтомъ, когда половина города развѣзжается и въ немъ настаетъ полное затишье, и когда, притомъ, дни очень продолжительны и почти нѣтъ темноты—времени наиболѣе удобнаго для совершенія преступленій? Отвѣтъ на это одинъ: теперь лѣто, значитъ нужна прибавка полиціи. Здѣшняя дума, смотря по составу и настроенію наличныхъ гласныхъ, то удовлетворяетъ эти притязанія, то отклоняетъ ихъ; но ни одно изъ засѣданій, посвященныхъ разсмотрѣнію такихъ требованій, не обходится безъ громкихъ жалобъ или на бездѣйствіе полиціи, или на излишнюю ея притязательность.

Можно было надѣяться, что съ переимѣной личнаго состава мѣстнаго управленія требованія полиціи придутъ въ надлежащую норму. Но эти надежды оказались ошибочными. Первое слово новаго губернатора гласнымъ думы было—„дайте денегъ полиціи!“, первая бумага его въ думу была о томъ же. Въ засѣданіи думы 10 сентября слушались двѣ такія бумаги. Въ одной трогательными чертами описывалось критическое положеніе Иркутска, въ который, по его положенію, могутъ стекаться изъ разныхъ мѣстъ люди безъ узаконенныхъ видовъ, и потому необходимо наблюдать, чтобы такіе люди въ немъ не жили и тѣмъ предупреждать возможность преступленій, а для этого поддержать существующій въ Иркутскѣ адресный столъ. Поэтому требовалось согласіе думы на то, чтобы штрафныя деньги за нарушеніе паспортныхъ правилъ поступали на содержаніе адреснаго стола. Въ сущности, ни согласія, ни отказа на это дума дать не могла, потому что денежныя взысканія за нарушеніе установленныхъ правилъ, по закону, должны поступать не въ городской доходъ, а въ казну, на составленіе особаго капитала на устройство тюремъ. Казалось бы только отвѣтить въ этомъ смыслѣ, и дѣло съ концомъ. Но вышло иначе. Оказалось, что полиція не знаетъ упомянутаго закона, и взыскиваемые ею штрафы присылаетъ въ городскую управу, а та почему-то держитъ ихъ въ переходящихъ суммахъ. Но и это-бы не бѣда: стоило только возвратитъ имъ деньги въ полицію, или отослать ихъ въ казну. Но вдругъ нѣкоторые гласные вспомнили, что адресный столъ былъ учрежденъ бывшимъ генералъ-губернаторомъ Фредериксомъ безъ согласія думы и закономъ не установленъ, что правила для этого стола дума находила обременительными для жителей и жаловалась на нихъ сенату (жалоба не уважена) и что въ губернаторской бумагѣ говорится о возстановленіи этого стола, а слѣдовательно и о возстановленіи дѣйствія правилъ, признанныхъ уже думой обременительными и давно забытыхъ на практикѣ. Тотчасъ, несмотря на заявленіе головы, что вопросъ объ адресномъ столѣ не предложенъ къ разсмотрѣнію, пошли разсужденія объ этомъ столѣ, отвяли добрыхъ полчаса времени, и дума рѣшила отвѣтить, что такъ какъ адресный столъ въ Иркутскѣ закономъ не установленъ, то и разсуждать объ отдѣленіи на него денегъ она не можетъ, только рѣшила сдѣлать это въ возможно мягкой формѣ. За обсужденіемъ формы отвѣта опять прошло нѣсколько времени, но удачной редакціи, кажется, все-таки не вышло. Нѣкоторые указывали также, что бесполезность паспортовъ для полицейскихъ цѣлей давно уже признана правительствомъ, и теперь идетъ рѣчь объ уничтоженіи паспортовъ, а у насъ они все еще считаются какой-то панацеей отъ всѣхъ общественныхъ золъ.

Другая бумага такого рода. Въ минувшемъ году полиція заявила, что для наблюденія за порядкомъ въ теченіи лѣта необходимо усилить на лѣтніе мѣсяцы составъ полицейской команды. Дума открыла на это полиціи кредитъ на извѣстную сумму. По истеченіи лѣта, полиція просила о продолженіи кредита и на дальнѣйшее время, но дума отказала. Весной нынѣшняго года полиція опять возобновила требованіе кредита для усиленія ея на лѣтніе мѣсяцы. На этотъ

разъ требованіе залежалось въ думѣ; она разсмотрѣла его только въ іюлѣ, и разрѣшила наемъ только на остальную часть лѣта. Полиція заявила, что нанять людей въ страдное время она не можетъ и просила назначенный думой кредитъ предоставить на вознагражденіе наличныхъ полицейскихъ служителей за усиленные труды. Управа отпустила на это 500 р., а объ отпускѣ остальныхъ представила въ думу; дума оставила безъ послѣдствій допущенное управой превышеніе власти, но распорядилась закрыть остальной кредитъ. Вотъ о возобновленіи этого-то кредита и поступило новое требованіе. Оно мотивировалось тѣмъ, что полицейскіе чины несли усиленные труды по случаю найма добавочныхъ. Какіе это были труды—не объяснялось. Деньги предлагалось отпустить въ распоряженіе полицеймейстера. Въ думѣ по этому поводу завязались горячія пренія. Одни, подъ вліяніемъ недавней рѣчи губернатора, доказывали, что городу необходима наружная полиція (хотя рѣчь шла совсѣмъ не объ этомъ); другіе—что неловко же неуважить первой просьбы губернатора; третьи, что на улучшеніе полиціи городъ тратилъ уже много денегъ, а улучшенія не видится; четвертые, что городъ не обязанъ расходовать деньги на полицію болѣе того, что требуется по закону, и что у него есть множество нуждъ гораздо болѣе настоятельныхъ и обязательныхъ для него, чѣмъ расходы на полицію... Наконецъ кто-то догадался потребовать прочтенія прежняго протокола думы по этому предмету. Оказалось, что въ новомъ требованіи не было рѣшительно никакихъ обстоятельствъ, которыя не находились бы уже на разсмотрѣніи думы, и поэтому она осталась при прежнемъ рѣшеніи. А между тѣмъ это дѣло опять отняло время у думы, такъ что для рѣшенія дѣйствительно серьезныхъ вопросовъ осталось его уже очень немного.

Въ программу занятій думы занесены еще два такія же требованія объ отпускѣ денегъ—на заведеніе револьверовъ для полицейскихъ служителей и на наемъ 6-ти разсыльныхъ при полицейскомъ управленіи. На какомъ основаніи предполагается вооружить низшихъ полицейскихъ служителей въ Сибири револьверами, когда доселѣ этого не было и не предписано, слѣдовательно и носить ихъ они не имѣютъ права,—объ этомъ дума, вѣроятно, узнаетъ въ слѣдующемъ засѣданіи. Что касается до найма служителей, то это не что иное, какъ новая форма требованія денегъ на усиленіе полиціи. Можетъ быть, дума и удовлетворитъ это требованіе. Многие изъ гласныхъ никакъ не хотятъ понять, что они обязаны сберегать городскія деньги, что хорошее хозяйство должно употреблять деньги только на такіе расходы, польза и необходимость которыхъ доказана положительно, и которые состоятъ въ непосредственномъ распоряженіи или подъ контролемъ того самаго хозяйства, и умѣть отпарировать неумѣстныя постороннія притязанія; что у общества есть потребности непосредственно болѣе важныя, и удовлетвореніе которыхъ гораздо обязательнѣе для него, чѣмъ разные виды кормленія полиціи. Таковы образованіе, здоровье, продовольствіе, прирѣніе бѣдныхъ. Но именно потребности такого рода рѣже всего обсуждаются здѣшней думой, благодаря тому, что она безпрестанно отвлекается отъ нихъ посторонними заявленіями и требованіями другаго характера.

Енисейскъ, 12 октября (корреспонденція „Восточ. Обоз.“). Эксплуатация рабочаго труда золотопромышленниками въ послѣдніе годы, въ особенности съ развитіемъ мелкой арендаторской промышленности, усилилась еще, кромѣ многихъ другихъ формъ ея, отдаленіемъ срока работъ до перваго октября, тогда какъ прежде на всѣхъ пріискахъ расчетъ производился около 10 сентября и рабочіе успѣвали выходить съ нихъ за теплое время. Нынѣ же они подвергаются всѣмъ послѣдствіямъ холодной погоды, задерживаются на той сторонѣ Енисея вслѣдствіе ледохода,

который прекращаетъ движеніе карбазовъ, и сообщеніе съ другимъ берегомъ поддерживается только лодками, которыя, при существованіи опасности отъ ледохода, берутъ слишкомъ дорого и, кромѣ того, задерживаютъ народъ на другой сторонѣ, что, при скопленіи массъ, способствуетъ развитію пьянства, кражи, грабежей, которые не въ силахъ, конечно, удержать та малочисленная команда, которая состоитъ въ распоряженіи засѣдателя, на обязанности котораго, ужь по чьему велѣнію—не знаю, лежитъ еще свидѣтельствованіе, т.-е. обыскъ рабочихъ, отыскиваніе золота и улавливаніе этихъ несчастныхъ людей съ какимъ-нибудь золотникомъ золота, лишеніе ихъ свободы, если ужь безъ этого обойтись нельзя, тогда какъ крупныя тузы, съ фунтами этого металла, свободно и ловко проскальзываютъ. Не знаю какъ нынѣ, а прежде, еще въ недавнее время, выходъ рабочихъ съ пріисковъ доставлялъ довольно выгодный заработокъ лицамъ, командированнымъ на перевозъ; наживались всѣ, начиная съ засѣдателя, помощника пристава и до солдата. Отобранное золото сбывалось тогда въ Енисейскѣ мѣстнымъ ювелирамъ, которые жили въ хорошихъ отношеніяхъ съ полиціей. Даже распоряженіе высшаго начальства, со временъ генерала Синельникова, искренно заботившагося о рабочемъ народѣ,—о невпусканіи рабочихъ въ городъ, мѣстное чиновничество сумѣло превратить въ доходную статью, беря съ нихъ деньги за право въѣзда въ него. При бѣдности заработка и при склонности къ вину, нашъ бѣдный рабочій, при всѣхъ такихъ порядкахъ, не приносилъ домой ничего. Надѣленный съ пріиска одними сухарями, въ худой, дырявой одежонкѣ, подъ дождемъ, холодомъ и сильными осенними вѣтрами, шелъ онъ по ужасной дорогѣ, встрѣчая на зимовьяхъ сырыя, темныя и холодныя казармы, страшную дороговизну въ припасахъ, гдѣ фунтъ ржанаго хлѣба стоитъ 15 коп., а пшеничнаго 25 коп., гдѣ къ услугамъ его обиліе вина и спирта; навстрѣчу къ нему, какъ къ какому-нибудь королю, выѣзжаютъ городскіе торговцы съ разнообразными товарами, съ зазываніями, даже съ угощеніями, какъ это было не однажды обнаружено. Не угостивши винцомъ—не продашь товарку, говорили разные офени. Торговцы наводили свои убытки, свои расходцы, сдѣланные въ угоду властямъ предержащимъ, которыя въ былое недавнее время, а можетъ быть даже и теперь, обходили всѣ лавки, получая свой гонораръ *), безъ котораго никто не имѣлъ права торговать. Въ угоду торговцамъ ничего незначило полицейскому чиновнику задержать народъ по какой-нибудь пустой причинѣ, въ результатъ чего конечно была лишняя выручка. Переправившись черезъ Енисей, счастливый рабочій шелъ въ городъ, а большая часть препровождалась солдатами до первой деревни, откуда иногда возвращалась въ городъ, если въ ней было желаніе отдохнуть, повеселиться или вновь взять задатки на новый годъ. Другіе шли къ своимъ домамъ, встрѣчая на пути тѣ же соблазны, что и въ городѣ, потому что наша сибирская, стоящая на трактѣ, деревня также успѣла цивилизоваться въ дурную сторону, и приходилъ, такимъ образомъ, несчастный рабочій къ своей голодной семьѣ съ пустыми руками, отъ чего такъ скоро онъ снова и запродавалъ свой трудъ пріѣзжему пріискателю. И такъ живетъ этотъ бѣдный людъ изъ года въ годъ, въ тягость Сибири и въ отраду однимъ только золотопромышленникамъ, которые въ послѣдніе годы также стали жаловаться на него; я не говорю уже о мелкотѣ, о хищникахъ золотовромышленности, отъ которыхъ бѣгутъ поволѣ; я говорю о людяхъ болѣе или менѣе порядочныхъ, на которыхъ пожалуй и рабочій не пожалуется, но и отъ нихъ бѣжитъ онъ, даже и тогда, когда за хозяиномъ его деньги. Чѣмъ объяснить это явленіе—я не знаю, да и они не знаютъ. Явленіе это замѣчается и

*) Около 25 и болѣе рублей съ лавки.

въ городахъ, гдѣ относительно больше свободы; положимъ, что здѣсь рабочій не бѣжать, но онъ разсчитывается, уходитъ, не заботясь о своемъ долгѣ, и хозяинъ удержать его не въ силахъ и получить долгъ не въ состояніи. Печальное явленіе это я объясняю вліяніемъ штрафной колонизаціи, вліяніемъ людей, брошенныхъ съ вѣтру въ среду людей совершенно ему чуждыхъ, для которыхъ жизнь уже не въ жизнь, а что-то въ родѣ авантюризма. Вліяніе это настолько сильно, что оно начинаетъ заражать и нашъ крестьянскій міръ, и чѣмъ скорѣе онъ отъ него избавится, тѣмъ лучше и благотворнѣе для экономическаго развитія Сибири. Съ прекращеніемъ ссылки, мнѣ кажется, Сибирь имѣетъ полное право требовать полной свободы золотопромышленности. Настоящій порядокъ крайне деморализуетъ насъ, отчего можетъ-быть въ сибирякѣ такъ много въ характерѣ еще черстваго, мало любви къ своему низшему собрату, чему доказательствомъ отчасти можетъ служить бѣдность и незначительность благотворительныхъ учрежденій въ Сибири. Въ Сибири уважается только сила и богатство; имъ всѣ преклоняются и всѣ служатъ, благодаря чему положеніе бѣднаго, работающаго класса крайне печально и униженно, и очень можетъ быть, что протестомъ противъ этого служатъ побѣги съ промысловъ, насилія, неплатежъ долговъ и обманъ всякаго рода. Положеніе, какъ видите, крайне ненормальное и развращающее. Единственнымъ лекарствомъ былъ бы здѣсь судъ правый, скорый и милостивый, съ одной стороны, и свобода печати, съ другой. До тѣхъ же поръ, пока не будетъ этого, примѣры самосуда на Сибири будутъ многочисленны *).

Благодаря отдаленности Сибири, ея громаднымъ пространствамъ, ея малому населенію, ея малой культурѣ, исключительности ея преобладающей промышленности, которая преимущественно состоитъ въ добычѣ золота, заброшенной въ глухія мѣста, вдали отъ людей, отъ учреждений, она сдѣлалась мѣстомъ, странною произвола, гдѣ идетъ сильная борьба труда съ капиталомъ, на сторонѣ котораго, т.-е. послѣдняго, стоитъ сильная власть бюрократіи. Въ защиту перваго вставали нѣкоторые изъ нашихъ генералъ-губернаторовъ, но окруженные продажнымъ чиновничествомъ, они были безсильны подавить зло и примирить обѣ стороны. Здѣсь нужны были не палліативы, а коренныя реформы въ образѣ тѣхъ, которыя давно желаетъ и проситъ Сибирь.

Очень можетъ быть, что всѣ эти причины порождаютъ извѣстныя послѣдствія; благодаря имъ наша обрабатывающая промышленность въ застоѣ; всѣ инициаторы какого-либо дѣла жалуются на недостатокъ людей, на плохой контингентъ рабочихъ; благодаря имъ наша пресловутая золотопромышленность неразвивается; всѣ ходятъ вокругъ да около старыхъ розсыпей; одни отпускаютъ ихъ въ казну, другіе берутъ, покупаютъ съ торговъ, удивляя столичныя газеты массою продающихся пріисковъ; между тѣмъ, все это старыя розсыпи, изъ которыхъ масса совершенно пустыхъ и безнадежныхъ. Большія поисковыя партіи, бывшія въ былые годы, совершенно прекратились, и за 250—300 верстъ къ востоку, въ глубь тайги, партіи никогда не проникали, а между тѣмъ золото, по словамъ тунгузовъ, тамъ должно быть богатое. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ пріѣзжалъ сюда нѣкій американецъ Латернеръ, по довѣренности какихъ-то петербургскихъ тузовъ, который яко-бы, какъ оповѣщалъ онъ, съ маленькою партіей нашелъ вдали отъ промысловъ даже рудное золото; но съ тѣхъ поръ слухи о немъ замолкли и можно думать, что это была спекуляція, имѣвшая цѣлью поймать кого-то на удочку. Добыча зо-

лота въ енисейской тайгѣ съ каждымъ годомъ уменьшается; большихъ золотопромышленныхъ компаній остается весьма мало; всѣ дѣла переходятъ въ руки арендаторовъ, чего конечно нельзя бы не желать, если бы вели они дѣло по-человѣчески, а то почти всѣ они бьются на аферу, на спекуляцію, съ цѣлю обобрать своего хозяина, своего рабочаго, съ цѣлю купи золота и продажи спирта и другихъ товаровъ по цѣнамъ баснословнымъ, ради чего у нихъ достаетъ даже смѣлости просить высшее начальство о воспрещеніи, напр., частной, свободной торговли на промыслахъ, которая, если и велась, то велась съ большими стѣсненіями, была обложена большими поборами въ пользу горныхъ исправниковъ и ихъ семей, которые обирали—въ долгъ—бѣднаго торговца. Настоящій енисейскій губернаторъ нашелъ просьбу золотопромышленниковъ неправильною, не находя въ законѣ права стѣснять эту торговлю въ районѣ промысловъ. Допущеніе свободной торговли неизменно повліяетъ на пониженіе пріисковыхъ таксъ, которыя хотя и утверждались горнымъ исправникомъ, но были всегда на руку хозяевамъ, содержавшимъ его на свой счетъ. Очень можетъ быть, что разрѣшеніе свободной торговли увеличитъ тайный ввозъ спирта и скупъ золота, но наблюденіе за этимъ будетъ зависеть отъ той же горной власти; да и ввозъ этотъ и скупъ золота практиковался всегда и во всякое время; слѣдовательно это будетъ не новое зло. Зло это, при настоящихъ порядкахъ, едва ли когда удастся прекратить правительству; оно пріобрѣло массу адентовъ и много нашихъ чумазыхъ, благодаря ему, вышло въ люди, разбогатѣвъ не по средствамъ. Пути сбыта золота въ Иркутскъ и Томскъ; не знаю какъ нынѣ, а прежде ввозили его въ Ирбитскую ярмарку и этою торговлею славились наши пушные торговцы, изъ которыхъ одинъ, по жадности своей, имѣлъ несчастіе потерять даже свою жизнь: не желая отдать деньги за принятое золото, онъ былъ избитъ татарами, этими лучшими сбытчиками золота, и съ тѣхъ поръ захирѣлъ и вскорѣ отдалъ Богу свою грѣшную душу, оставивъ послѣ себя громадное состояніе, которое проживаютъ теперь дѣтки, разсыяныя по Сибири и по столицамъ. Свобода золотого промысла была бы единственнымъ средствомъ прекратить эти неурядки и уменьшить число преступленій противъ собственности.

Г. Ишимъ (корр. „Вост. Обозр.“). Разбирая собранные мною матеріалы по переселенческому движенію черезъ нашъ городъ въ теченіи нынѣшняго лѣта, я наткнулся на весьма интересный образчикъ того психологическаго процесса, который очень часто сопутствуетъ или, если хотите, быть можетъ, даетъ послѣдній толчокъ переселеніямъ. Изложу дѣло въ немногихъ словахъ.

Въ одно прекрасное іюльское утро, выйдя, по обыкновенію на поиски переселенцевъ, я нашелъ у кладбища 9 переселенческихъ кибитокъ. Въ обозѣ было 3 семьи тамбовскихъ крестьянъ и 4 семьи рязанскихъ (1—Сапожковскаго у., 3—Рязскаго). Несмотря на то, что послѣднихъ было больше, они помѣщались лишь въ 4 кибиткахъ, тамбовцы же въ 5-ти. Это надо объяснить, вѣроятно, большею зажиточностью послѣднихъ. Они ѣхали уже 9-ю недѣлю—все на лошадахъ!—и пробирались въ Бійскій округъ.

— На новыя земли идете! обратился я къ сидѣвшимъ кружкомъ бабамъ.

— На новыя.

— Что же, тамъ плохо жить стало?

— Двадцать лѣтъ, какъ царь насъ отъ господъ отнялъ,—отвѣтила мнѣ молодая рязанская баба; думали все,—земля тамъ намъ будетъ, да вѣдь не безъ земли же сидѣть! Вотъ и поѣхали.

А за землю, по ихъ словамъ, у нихъ очень дорого платится: за усадебное мѣсто, на которомъ только домъ стоитъ, ежегодный взносъ составляетъ 5 р.!

*) Въ прошломъ году, напр., рабочіе избѣгли золотопр. Е. и много было подобныхъ случаевъ; не говоря уже о насиліи хозяевъ надъ рабочими—это вещь обыденная.

— И теперь такая молва идетъ, продолжала баба, да только кто его знаетъ!.. заключила она.

Ясно было, что скептицизмъ здѣсь не напускной: за что молъ купилъ, за то и продалъ. На этомъ разговоръ нашъ прервался, но думаю, что и за всѣмъ тѣмъ онъ представить нѣкоторой интересъ для читателей.

ИНОРОДЧЕСКІЯ ОБЩИНЫ ВЪ СИБИРИ.

АЛАРСКАЯ БУРЯТСКАЯ ОБЩИНА.

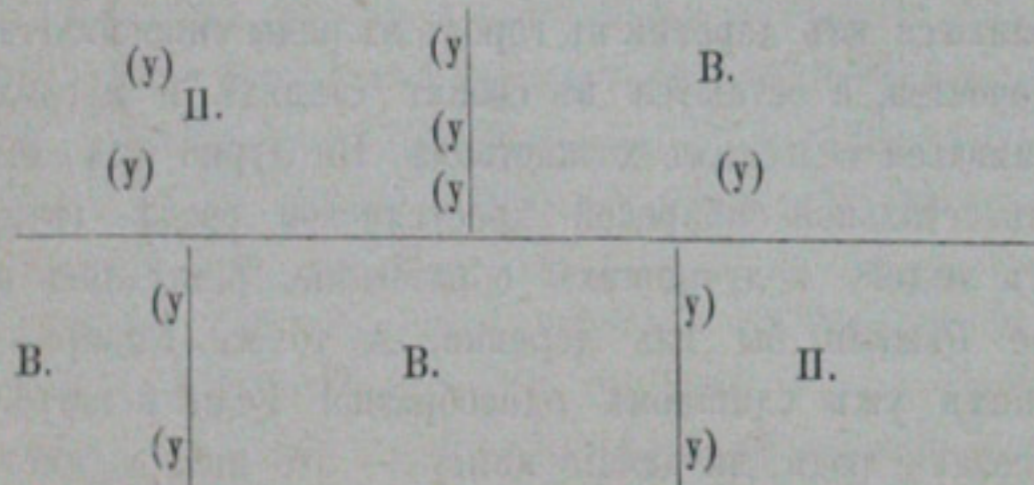
Въ Иркутскѣ я случайно познакомился съ г. М., природнымъ бурятомъ, бывшимъ тайшой Аларскаго вѣдомства. Сынъ г-на М—ва учился въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній г. Иркутска, и отецъ время отъ времени наѣзжалъ въ городъ провѣдать сына. Въ это-то время я и встрѣтился съ нимъ въ одномъ домѣ. Замѣтивъ, что я интересуюсь бурятами и ихъ повѣрьями и обычаемъ, г. М. предложилъ мнѣ отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ бурятскій улусъ, въ которомъ онъ самъ живетъ. Аларское вѣдомство, къ которому принадлежитъ этотъ улусъ, находится къ западу отъ Иркутска; это самое западное изъ всѣхъ сѣверобайкальскихъ бурятскихъ вѣдомствъ. Кто ѣдетъ въ Иркутскъ изъ Москвы по большой дорогѣ, минуетъ это вѣдомство около Черемуховской станціи; вѣдомство лежитъ и вправо, и влѣво отъ дороги, но проезжающему не приходится видѣть бурятъ, потому что въ этомъ мѣстѣ земля аларскихъ бурятъ разрѣзана полосой, заселенной русскими крестьянами.

Мы сѣли въ телѣжку, запряженную собственными г. М. двумя лошадами, и выѣхали изъ Иркутска. Дорога была послѣ только что стаявшаго снѣга плоха и намъ пришлось двѣ ночи переночевать въ деревняхъ прежде, чѣмъ мы доѣхали до улуса. Бурятское слово „улусъ“ соотвѣтствуетъ русскому „деревня“, тогда какъ „вѣдомство“ будетъ соотвѣтствовать крестьянской волости. Впрочемъ, улусъ вовсе не похожъ на русскую деревню, такъ же какъ и вѣдомство, какъ увидимъ ниже, непохоже на волость. Вмѣсто собранія избъ, сбитыхъ въ тѣсную кучу, съ кривыми и завязанными улицами, бурятская распланировка поселеній скорѣе напоминаетъ финляндскую или корельскую въ Олонецкой губерніи: бурятскія избы разставлены на значительныя разстоянія другъ отъ друга. «Вотъ и улусъ!» сказалъ мой спутникъ, когда мы обогнули мысокъ, за которымъ, уже по заранѣ переданнымъ свѣдѣніямъ, надо было ожидать появленія бурятскихъ жилищъ. Глазамъ представился домъ со службами, стоящій уединенно; въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень или можетъ быть въ цѣлой сотнѣ ихъ другое такое же отдѣльное хозяйство, а тамъ еще такое же, и вотъ и вся картина на первый разъ. Но пока мы миновали ихъ, оставляя эти постройки въ значительномъ отдаленіи въ правой рукѣ, намъ открывался видъ на новыя хозяйства, все также разобщенныя отъ своихъ сосѣдей. Такимъ порядкомъ мы доѣхали до дома г. М. Онъ также стоялъ уединенно; но такъ какъ это былъ домъ богатаго человѣка, то вокругъ него было много службъ, а на задахъ двѣ, три избы припущенныхъ бѣдняковъ-бурятъ; все вмѣстѣ это составляло порядочную кучу построекъ. Дворъ, какъ въ обычаѣ у всѣхъ бурятъ, былъ обращенъ воротами на югъ. Обширный жилой домъ былъ построенъ на городской манеръ. Внутри домъ меблированъ также по городскому:

въ залѣ диванъ, кресла, стулья, зеркала въ простѣнкахъ; на стѣнѣ фотографическіе снимки въ рамкахъ. Въ кабинетѣ письменный столъ и полка съ книгами; часть книгъ состояла изъ популярныхъ сочиненій по естественнымъ наукамъ (тутъ было между прочимъ сочиненіе Дарвина: «Происхожденіе человѣка и половой подборъ»), часть по гомеопатіи, которой нѣкогда увлекался г. М., и наконецъ, часть изъ справочныхъ сочиненій и руководствъ по юридическимъ наукамъ. Вотъ обстановка, въ которой живетъ бывший тайша, т.-е. волостной старшина. Въ домѣ у г. М. я прожилъ около недѣли. Въ это время г. М. свозилъ меня въ гости къ тайшѣ Б., который въ это время управлялъ „вѣдомствомъ“. Домъ тайши Б. находился верстахъ въ 10 или болѣе отъ нашего дома. По дорогѣ мы видѣли много бурятскихъ избъ, по большей части размѣщенныхъ отдѣльными хозяйствами; видѣлись иногда и дома съ мезонинами. Въ одномъ мѣстѣ впрочемъ проѣхали рядъ изъ 5—6 домовъ, обращенный воротами на югъ. Передъ многими воротами были видны хурики, т.-е. жертвенники, у которыхъ были заколоты по языческому обряду животныя. Такой жертвенникъ состоитъ обыкновенно изъ четырехъ столбовъ въ ростъ человѣка; на вершинахъ столбовъ настланы полати, а на полатяхъ торчатъ шесть, одинъ конецъ котораго упирается въ землю, другой смотритъ въ небо; на свободномъ концѣ шеста вздѣта шкура убитаго домашняго животнаго. Домъ тайши Б. построенъ на особицѣ; это былъ еще новый домъ; внутри обоевъ не было, и фотографическіе портреты и гравюры въ рамкахъ были развѣшаны прямо на золотисто-желтыхъ бревнахъ. Хозяинъ оказался молодымъ человѣкомъ въ черномъ сюртукѣ и крахмальной рубашкѣ, двѣ маленькія дѣвочки отъ 5 до 7 лѣтъ были одѣты, какъ одѣваютъ дѣтей чиновники въ сибирскихъ городахъ; на нихъ были надѣты клеенчатые фартучки. Въ хозяйнѣ мы нашли большаго любителя охоты и члена иркутскаго клуба охотниковъ; въ его кабинетѣ стѣна была увѣшана большимъ наборомъ охотничьихъ принадлежностей и разныхъ ружей, въ которыхъ онъ, кажется, знаетъ толкъ. На столѣ у него лежали Аксаковскія „Записки охотника Оренбургской губерніи“. Невольно приходило въ голову сравненіе бурятскаго тайши съ русскимъ волостнымъ старшиной; правда, у другаго сибирскаго богатаго мужика тоже найдутся и зеркала, и кресла, и серебряныя ризы на иконахъ, но свѣтскую книгу не какъ случайную гостью, а какъ потребность, у него не встрѣтишь. Это сравненіе провожу не потому, чтобы хотѣлъ сказать: „Зачѣмъ бурятъ вылѣзъ въ люди, носящіе накрахмаленные воротнички“? Бурятскіе порядки тѣмъ и хороши, что лица, получившія болѣе или менѣе настоящую интеллигентную внѣшность, не удаляются изъ деревни въ городъ въ ряды чиновничества или купечества, а остаются въ своихъ степяхъ и продолжаютъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ. Не дурно было бы, если и въ остальной сибирской крестьянской средѣ дѣти богатыхъ людей, получившихъ образованіе, оставались въ ней, а не бѣжали бы изъ деревни. А то въ Сибири въ деревняхъ ужъ слишкомъ однообразно! Если и встрѣчаются въ селахъ люди, читающіе книгу — это писарь, смотритель станціи и т. п. мелкій чиновникъ; это деревенская лжеинтеллигенція. У бурятъ не то; пройдетъ трехлѣтіе, можетъ быть народъ изберетъ другаго тайшу, и тогда г. Б. сдѣлается обыкновеннымъ земледѣльцемъ, какимъ мы, напри- мѣръ, застали г. М.

Перехожу къ общинному быту аларцевъ. Въ семидневное пребываніе въ бурятскомъ улусѣ мнѣ не удалось, конечно, много разспросить по этому вопросу, тѣмъ болѣе, что главная цѣль моей поѣздки заключалась въ другомъ. Прежде всего нужно сказать, что у бурятъ сохранились еще слѣды древняго кочеванія. Они ежегодно весной изъ своихъ зимниковъ переселяются въ лѣтники, а осенью опять возвращаются въ зимники. Тѣ избы, которыя я упоминалъ выше, были все зимники. Они похожи на русскія избы; жилые дома состоятъ изъ четвероугольныхъ зданій, покрытыхъ двухскатной крышей; внутри полъ, потолокъ и русская печь, нѣтъ только полатей; по крайней мѣрѣ въ тѣхъ домахъ, въ которые я заходилъ, я не видѣлъ полатей; такой жилой домъ окруженъ службами и имѣетъ огромный дворъ, обнесенный пряслами; этотъ дворъ составляетъ особенность бурятскаго жилья и называется утугъ. Лѣтники устроиваются совсѣмъ иначе; это восьмигранныя постройки безъ потолка; крыша восьмискатная съ отверстіемъ въ серединѣ для дыма. Такіе шалаши не имѣютъ при себѣ службъ и строятся гуще; по крайней мѣрѣ лѣтники того улуса, который я видѣлъ, составляли плотную кучу построекъ. Ихъ нѣтъ и надобности строить въ разсыпную, какъ зимники, и вотъ почему. При зимникѣ, какъ мы сказали, имѣется утугъ, т.-е. большое огороженное пространство; въ этомъ утугѣ зимой ходитъ скотъ хозяина; за зиму утугъ такимъ родомъ уваживается. Весной скотъ изъ утуга выгоняется въ скотный выгонъ и утугъ запирается. Къ сѣнокосной порѣ утугъ покрывается лучшей кормовой травой, которую скашиваютъ; утужное сѣно считается здѣсь самымъ лучшимъ. Вотъ эти-то утуги и заставляютъ разоставлять зимники на большія разстоянія другъ отъ друга; съ лѣтниками же этаго дѣлать не требуется.

„Вѣдомство“ состоитъ изъ многихъ улусовъ; земля вѣдомства не раздѣлена по улусамъ, а составляетъ общее достояніе всѣхъ членовъ вѣдомства, или, какъ выражаются сами буряты по-русски: „у вѣдомства общій планъ“. Селятся кто гдѣ хочетъ. Земля дѣлится на пахатную и лѣтній выгонъ. Участки того и другаго вида отдѣлены другъ отъ друга городьбой или поскотиной; посрединѣ проходитъ главная поскотина, и хи хурэнъ; побочныя ея вѣтви дѣлятъ землю болѣе частно; тѣмъ не менѣе всѣ эти поскотины только имѣютъ цѣлью отдѣлить пашни отъ выпусковъ, которые то помѣщаются влѣво, то вправо отъ главной поскотины въ шахматномъ порядкѣ. Утуги преимущественно прилегаютъ къ поскотинамъ со стороны пащень, но иногда встрѣчаются и въ серединѣ пахатнаго участка или и въ серединѣ лѣтняго выпуска какъ это видно на прилагаемомъ рисункѣ.

В—скотскій выпускъ; П—пашни; у—утуги или зимники.

Пашни многихъ улусовъ лежатъ вмѣстѣ, составляя одинъ общій участокъ; даже иногда бурятскія пашни составляютъ общую площадь съ крестьянскими пашнями. Пашутъ вообще

буряты, гдѣ хотятъ; если жители одного конца вѣдомства не пашутъ на другомъ, такъ только потому, что это по дальности отъ жилища неудобно. Такъ какъ около улусовъ Нигды и Ушигинэ становится тѣсно, то буряты исподволь по два, по три семейства выселяются отсюда въ болѣе привольныя мѣста въ западной части вѣдомства за Зонъ и къ Нотскимъ улусамъ.

Въ пахатномъ полѣ каждый буряты можетъ распахать сколько хочетъ; люди средняго достатка пашутъ десятины по 7 и по 8; самые богатые не болѣе 25—30 десятины; одинокіе 2½ и 3 десятины. Каждый хозяинъ засѣваетъ одну только половину своей пашни, а другую обрабатываетъ для будущаго лѣта. Залежи распахиваетъ тотъ же хозяинъ, который первый распахалъ ихъ; по заброшенныя старыя залежи распахиваетъ и посторонній.

Сѣнокосы передѣливаются по вѣдомству лѣтъ черезъ 20 или 15; по улусамъ же дѣлятся ежегодно; дѣлежъ производится безъ мѣры и жребія, на глазъ и по согласію. Дѣлается и такъ. Спрашиваютъ, кто желаетъ сѣсть на такую-то падь, сосчитываютъ желающихъ и по числу ихъ дѣлятъ падь; для этого заѣзжаютъ въ вершину пади и ѣдутъ вдоль ея; отъѣдутъ сколько на глазъ и говорятъ: „кто тутъ сидеть“? „Ну, хоть я!“ говоритъ кто-нибудь. Тогда вбиваютъ колышекъ. Изъявившій желаніе сѣсть тутъ, говоритъ: „Прибавьте еще немного!“ Поспорятъ и прибавятъ.

Общинные нравы проникаютъ и въ остальные формы жизни бурятъ. Если кто строитъ избу, всѣ сосѣди помогаютъ ему; кто ѣдетъ за бревнами, кто помогаетъ въ рубкѣ сруба. Если кто отсталъ отъ другихъ на сѣнокосѣ, а за концомъ его долженъ начаться другой сѣнокосъ, сосѣди приходятъ къ отставшему и артелью быстро заканчиваютъ его недокошенный участокъ. Въ жатвѣ также ранѣе кончившіе помогаютъ неуспѣвшимъ управиться. Въ прежнее время даже не дѣлились скотомъ и одеждой, какъ говорятъ преданія; молодой парень, желавшій ѣхать на праздникъ и неимѣвшій лошади или шубы, шелъ въ чужой табунъ, ловилъ лошадь, сѣдлалъ ее или надѣвалъ чужую шубу и ѣхалъ въ гости; на праздникъ иногда въ дракѣ эту шубу изорвутъ, и все-таки не въ обычаѣ было, чтобы хозяинъ упрекнулъ парня, а тѣмъ наче взыскалъ за убытокъ. Такіе порядки и теперь еще существуютъ у инородцевъ въ захолустьяхъ Алтая.

Этотъ общинный бытъ и симпатическія чувства вытекаютъ изъ шаманскихъ воззрѣній бурятъ на землю и божество. По бурятскимъ понятіямъ природа проникнута живымъ началомъ. У каждой долины, у каждой горы, у cadaго озера есть душа или, какъ говорятъ шаманисты, х а т ь или э д з е н ь, «хозяинъ». Ничто не творится на горѣ или въ озерѣ безъ воли ихъ хата; если охотникъ имѣлъ удачу въ лѣсистой горѣ или рыболовъ на озерѣ, это даръ хата той горы или того озера. Большія урочища также имѣютъ своихъ хатовъ,—какъ на примѣръ, озеро Байкаль или снѣжный бѣлокъ со всѣми его отрогами и ущельями. Наконецъ и у цѣлой горной системы или у цѣлой страны предполагаются также хаты. Такъ на примѣръ есть особый хатъ у хребта Алтай, и особый у хребта Хангай; этихъ ужъ можно назвать царями-хатами; они такъ и называются въ молитвахъ „ханъ-Алтай“ и „ханъ-Хангай“. О первомъ монголы говорятъ, что онъ щедрый, о второмъ—скупой; у ханъ-Алтая длань открыта, у ханъ-Хангай сжата въ кулакъ. Эти ханы или хаты и есть единственные землевладѣльцы

по понятію бурятъ; этимъ хатамъ и подобаетъ благодарность за пользованіе. Эта благодарность выражается въ торжественныхъ общественныхъ жертвоприношеніяхъ, которыя называются таилганами; они отправляются каждымъ улусомъ отдѣльно. Такихъ жертвоприношеній бываетъ три въ лѣто; самое важное бываетъ въ срединѣ лѣта. Въ торжествѣ участвуетъ только мужское населеніе: взрослые люди, старики и дѣти. Въ жертву хатамъ колятъ барановъ и лошадей. Для приобрѣтенія жертвенныхъ животныхъ улусъ разбивается на артели; каждой артели приходится на лѣтній таилганъ поставить отъ 5 до 20 барановъ и 1 лошадь. Дни таилгана любимое время у бурятъ; не фѣда, конечно, дѣлаютъ ихъ такими, а то, что во время таилгана всѣ лучшія силы народа обнаруживаются и приходятъ въ движеніе; въ эти дни проявляется готовность каждаго служить общему дѣлу, кто средствами, кто своимъ совѣтомъ, кто своимъ трудомъ; старики выдвигаются изъ толпы, какъ вожди, и получаютъ слѣдующій имъ отъ молодежи почетъ; молодежь выказываетъ послушаніе къ руководителямъ праздника и въ запуски старается исполнять порученія. Дружелюбное отношеніе членовъ общины и сознаніе пирующихъ, что они составляютъ братство, дѣлаетъ таилганъ явленіемъ, скрашивающимъ будничную жизнь шаманистовъ.

Самое торжество совершается на открытомъ воздухѣ на опредѣленномъ мѣстѣ, кажется всегда вблизи отъ какой-нибудь рощи. По крайней мѣрѣ изъ того улуса, въ которомъ я провелъ нѣсколько дней, мнѣ показывали рощу, у которой обыкновенно тотъ улусъ праздновалъ свой таилганъ. Во время обряда участники устанавливаются въ извѣстномъ порядкѣ; впереди рядъ старцевъ, сзади ихъ люди среднихъ лѣтъ со своими дѣтьми, а сзади толпа гостей; словомъ, народъ выстраивается какъ бы въ боевой порядокъ; впереди всего народнаго собранія горятъ жертвенники. Торжество начинается молитвой къ хатамъ, которую читаетъ одинъ изъ старцевъ; вслѣдъ за молитвой, каждый старецъ дѣлаетъ либацію молокомъ и водкой. Затѣмъ начинается жертвованіе хатамъ мясомъ; оно выражается тѣмъ, что каждый отецъ семьи подходитъ съ своими яствами къ горящему жертвеннику и здѣсь поклоняется хатамъ, отъ которыхъ зависитъ дарованіе богатства и здоровья. Торжественный день кончается пиромъ.

Раскладка расходовъ на праздникъ и дѣлежъ жертвеннаго мяса производится самымъ детальнымъ образомъ въ родѣ того, какъ при дѣлежѣ сѣнокосныхъ участковъ. Даже принято въ расчетъ, чтобы вкусныя почки, которыя трудно раздѣлить на такое большое сборище, не послужили поводомъ къ упрекамъ въ неуравнительномъ распредѣленіи. Жаль будетъ, если этотъ обычай, объединяющій темную бурятскую массу и внушающій ей идеи объ общихъ интересахъ, будетъ разрушенъ соприкосновеніемъ съ нашими нравами и стремленіями нашей бюрократіи, а также съ дѣятельностью нашихъ духовныхъ миссій. Конечно, съ миссіонерской точки зрѣнія таилганъ въ настоящемъ своемъ видѣ есть обрядъ языческой, но языческое отъ него можетъ отпасть, а обрядъ остаться и преобразиться въ самый невинный праздникъ.

Мы помѣстили въ своей статьѣ описаніе таилгана въ расчетѣ, что оно покажетъ читателю, въ какой мѣрѣ у бурятской массы ея земельные обычаи находятся въ связи съ общими ея религіозными воззрѣніями. Современные земель-

ные обычаи бурятъ есть прямое послѣдствіе ихъ воззрѣній на природу. У народа, стоящаго на такой степени, какъ буряты, всѣ обряды, повѣрья и сказанія находятся еще въ своей первоначальной зависимости и представляютъ одну цѣльную неразрывную систему. Тутъ ничто неотдѣлимо; повѣрье безпрестанно переходитъ въ обрядъ, начало обряда встрѣчается въ сказаніи. Вамъ рассказываютъ легенду о первомъ чловѣкѣ и о томъ, какъ его воспринимала первая на землѣ шаманка, а ближе знакомясь съ народомъ, вы узнаете, что та же процедура совершается и съ нынѣшними новорожденными и составляетъ неизмѣнный обрядъ. Вѣрованія о первомъ чловѣкѣ на землѣ создали у бурятъ обряды, соблюдаемые при рожденіи, вѣрованія о виновникѣ плодородія повліяли на образование съ одной стороны свадебнаго обряда, съ другой земельныхъ обычаевъ.

Необходимо имѣть въ виду эту взаимную связь въ повѣрьяхъ и обычаяхъ и при введеніи новыхъ условій въ жизни бурятъ, которая требуетъ реформы. Современными порядками начинаютъ тяготиться сами буряты; старое положеніе управленія бурятами было построено на началѣ неприкосновенности бурятскаго обычнаго права; только нѣкоторыя важныя дѣла были выдѣлены изъ вѣдѣнія бурятскихъ тайшей, остальное же было ввѣрено ихъ вѣдѣнію и предполагалось, что народъ будетъ управляться тайшами на основаніи существующихъ древнихъ бурятскихъ обычаевъ, за соблюденіемъ которыхъ будетъ слѣдить сама народная масса; такъ это и было конечно вначалѣ. Но въ послѣдствіи тайши или тотъ болѣе богатый классъ бурятъ, изъ котораго выбираются тайши, цивилизовались и увеличили свои потребности, а также отъ мѣстной бюрократіи усвоили науку управленія и стяжанія; теперь прежнее управленіе по древнимъ обычаямъ у бурятъ замѣнилъ просто произволь тайшей. Мѣстная административная власть не могла не вмѣшиваться въ управленіе; выборы въ тайши всегда подтасовывались чиновниками, и доставляли послѣднимъ немалый доходъ. Немало бываетъ злоупотребленій власти въ торговлѣ хлѣбомъ, подрывающихъ основу бурятскаго промысла — земледѣліе, на которое слѣдовало бы смотрѣть, какъ на главное средство къ обрусѣнію бурятъ и съ которымъ слѣдовало бы обходиться какъ можно деликатнѣе. Злоупотребленія эти совершаются при закупкѣ хлѣба для казны, для запасныхъ магазиновъ, для центральной тюрьмы или для интендантства. Положимъ, губернскимъ совѣтомъ цѣна на хлѣбъ для закупки установлена въ 2 рубля; но проходитъ нѣкоторое время, цѣна на хлѣбъ поднимается и на мѣстѣ уже стоитъ 2 рубля, а съ доставкой должна обойтись въ три. Тогда предписывается произвести закупку «при содѣйствіи земскихъ властей». Коммиссіонеръ съ исправникомъ пріѣзжаютъ въ участокъ, накладываютъ на него извѣстное количество пудовъ хлѣба и отдають деньги по казенной цѣнѣ; этотъ хлѣбъ мужики называютъ «наваленнымъ». Дробную раскладку крестьяне дѣлають уже сами между собой. Спустя нѣсколько дней пріѣзжаютъ довѣренныя въ пунктъ, гдѣ находится коммиссіонеръ, съ довѣренностью будто бы на продажу хлѣба и полученіе денегъ за хлѣбъ и со списками довѣрителей. И на бурятъ бываетъ «наваленный хлѣбъ». Дѣло обдѣлывается съ тайшей и также оформливается дутыми довѣренностями. Иногда начальство прибѣгаетъ къ такой уловкѣ: приглашаетъ тайшей въ Иркутскъ и проситъ уговорить народъ быть снисходительнымъ къ казиѣ при покупкѣ хлѣба совѣтникомъ.

Тайша, вернувшись въ улусъ, сзываетъ домохозяевъ и говорить, что будетъ казенный закупъ хлѣба; хозяева, зная убыточность этой поставки, отказываются неимѣніемъ излишковъ; тайша начинаетъ увѣрять, что при закупкѣ цѣны будутъ вольныя, будетъ допущено торговаться. Тогда хозяева соглашаются; немедленно составляется списокъ изъявившихъ согласие; затѣмъ приѣзжаетъ совѣтникъ и пожелавшимъ продать хлѣбъ выкладываетъ деньги по установленной цѣнѣ. Хозяева протестуютъ, тайша говоритъ имъ, что казна не можетъ дать больше. Побьются буряты, возьмутъ деньги и поѣдутъ въ улусы, поклонятся сосѣдямъ и тѣ согласятся разложить бѣду на всѣхъ поровну. Винокуренные заводчики также подражаютъ чиновническому способу принудительной закупки и посредствомъ знакомства съ тайшами устраиваютъ выгодную для себя закупку бурятскаго хлѣба. Эти и другіе болѣе мелкіе недостатки нынѣшняго управленія бурятами заставляютъ желать пересмотра положенія объ инородческомъ управленіи, но въ то же время нельзя не высказать желанія, чтобы новое положеніе не принесло бы регламентаціи народной жизни, что дастъ только поводъ вмѣсто тайшей дѣлать поборы съ бурятъ засѣдателямъ.

Г. П.

СИБИРСКАЯ КАЛИФОРНІЯ.

(бытовой очеркъ).

Въ 187* году, въ южной части —ской губерніи весна наступила такъ рано, что къ Николину дню луга покрылись травой и изъ распустившася, одѣтаго пышною зеленью лѣса, несся ароматъ цвѣтущей черемухи. Вернушіяся ласточки весело защебетали, купаясь въ яркой, безоблачной синевѣ неба, парни и дѣвушки высыпали на улицу въ лѣтнихъ костюмахъ, съ гармоніями, балалайками и пѣснями. Нигдѣ не ждуть весны съ такимъ нетерпѣніемъ, какъ въ глухой провинціи и нигдѣ такъ весело не привѣтствуютъ ея появленія, какъ тамъ, въ этихъ забытыхъ Богомъ и людьми уголкахъ, гдѣ каждый поневолѣ живетъ исключительно своей внутренней жизнью, по недостатку живыхъ, общественныхъ интересовъ.

Наканунѣ Николина дня, по дорогѣ, идущей боромъ отъ —скаго рудника, въ двухъ телѣгахъ, запряженныхъ сытыми лошадьми въ наборныхъ хомутахъ, ѣхали двѣ семьи братьевъ Буйволовыхъ, къ отцу, въ Золотушинскую деревню, на сѣзжій праздникъ. Съ ними были ихъ жены и дѣти; по наряднымъ платьямъ и пестрымъ платкамъ женщинъ, по сбруѣ и упряжи лошадей можно было замѣтить, что Буйволковы люди зажиточные.

Проѣхавъ еще версты двѣ по начинавшему постепенно рѣдѣть бору, путники выѣхали на поляну и глазамъ ихъ представилась слѣдующая картина: дорога прихотливыми изгибами спускалась подъ гору, у подошвы которой, журча и переливаясь, текла быстрая рѣчка, —раздѣлявшая Золотушинскую деревню на двѣ части: восточную и западную. Деревня лежала такимъ образомъ въ котловинѣ, и высокіе берега рѣчки рисовались красивыми, живописными грядами, почти сплошь покрытыми ярко-зеленымъ, березовымъ лѣсомъ. За ними, почти въ самомъ селеніи, видѣлись высокія на-

сыни краснаго и желтаго цвѣта; это были груды промытаго золотиноснаго песку. Рѣчка, или вѣрнѣе ручей, была во многихъ мѣстахъ перегорожена и на мѣстахъ запрудовъ стояли вашгерты для промывки золота. Домики въ селѣ были большею частью новой постройки и около каждаго изъ нихъ отведены пригоны для скота и мѣсто для гумна.

Буйволковы остановили лошадей у двухъ-этажнаго новаго дома, стоявшаго на мысѣ, глубоко вдающемся въ ручей; новая ограда, множество службъ и амбаровъ указывали на зажиточность хозяина.

На встрѣчу гостямъ вышла женщина лѣтъ 30-ти, небольшого роста, кругленькая, съ загорѣлымъ, симпатичнымъ лицомъ, это была жена третьяго брата, Николая Буйволова, жившаго вмѣстѣ съ отцомъ.

— Здравствуй Маланья!—крикнулъ ей Иванъ (старшій изъ братьевъ), вѣзжая первымъ во дворъ и привязывая лошадь къ столбу, стоявшему по срединѣ двора.

— Здравствуйте, здравствуйте, Иванъ Васильичъ! — ласково отозвалась невѣстка и, подойдя къ другой телѣгѣ, взяла на руки маленькую дѣвочку, дочь втораго брата—Семена.

Привѣтливо разговаривая съ гостями, Маланья провела ихъ къ отцу, жившему въ верхнемъ этажѣ дома. И тамъ, какъ внизу, чистота и опрятность бросались въ глаза: стѣны были выбѣлены, полы выскоблены и покрыты шерстяными половиками; на полкахъ блестѣли кастрюли и самоваръ. Въ одной изъ комнатъ, на ларѣ, сидѣлъ старикъ лѣтъ семидесяти, одѣтый въ новую рубаху изъ розоваго ситца, со связкой ключей за поясомъ; это и былъ хозяинъ дома, Василій Ивановичъ Буйволово. Несмотря на совершенно сѣдые волосы на головѣ и въ бородѣ, старикъ имѣлъ еще бодрый видъ, и когда его сторбленная фигура выпрямлялась, то онъ былъ головой выше сыновей; въ его сѣрыхъ, быстрыхъ глазахъ загорались подчасъ такіа искорки, которымъ могли бы позавидовать многіе молодые.

— Здравствуйте, здравствуйте, гости дорогіе!—привѣтствовалъ Василій Ивановичъ почтительно поклонившихся ему сыновей и ласково обнялся съ ними. Здорово, внучка,—прибавилъ онъ, улыбаясь дѣвчкѣ и беря ее съ рукъ Маланьи.—А ты поди-ко, по хозяйству распорядись,—обратился онъ къ невѣсткѣ.—Чай гости-то ѣсть хотять.

— Сейчасъ, сейчасъ, батюшка,—засуетилась Маланья.— У меня ужъ готово все, и столъ внизу накрытъ. Милости просимъ за-всяко-просто, гости дорогіе,—поклонилась она и первая сбѣжала внизъ.

Къ ѣдѣ приступили съ обычными церемоніями; старикъ налилъ рюмку водки и поднесъ сперва старшему сыну, потомъ второму; оба сначала отказывались, со словами „покорно благодаримъ, батюшка, вы сперва выкушайте“, —но потомъ, по настояніямъ отца, опорожнили рюмку, перекрестившись истовымъ, широкимъ крестомъ.

Ту же церемонію продѣлали и невѣстки. Въ это время въ избу вошелъ мужъ Маланьи, Николай, младшій сынъ Буйволово. Братья поздоровались.

— Ты гдѣ это былъ?—спросилъ Николай отецъ.

— Да къ Барабанкѣ, за табакомъ ходилъ. Вотъ валить парню счастье-то: нонѣ опять золота набралъ фунта четыре, да лонись наши ребята ложекъ нашли; богатый, бають, страсть какой: золотника по четыре съ возка получили; въ артели-

то за недѣлю рублей по двадцати пяти на брата пришлось; все ему сдали, Барабанкѣ, значить; кто деньгами взял, кто товаромъ, а кто и водкой. Онъ къ празднику-то привезъ боченокъ ведеръ въ двадцать,—не хватило: весь разобрали; вчера еще боченокъ привезъ въ тридцать ведеръ.

— Батя,—перебилъ брата Семень, обращаясь къ отцу,—ты знаешь Коровій Логъ, что около рудника?

— Какъ не знать?—отозвался старикъ, сидѣвшій вострономъ съ внучатами.—Вѣстимо, знаю.

— Я вотъ твоего совѣта хочу спросить,—продолжалъ Семень, хлебая уху изъ общей чашки.—По моимъ примѣтамъ тамъ должно быть много золота; почва-то такая же, какъ и у васъ, на золотушинскомъ; да и говорятъ, что будто допрежь сего въ немъ били шурфы и наткнулись на золото.

— Да гдѣ-жъ это золота-то въ здѣшнихъ краяхъ нѣтъ? уклончиво отвѣчалъ старикъ.—Вездѣ оно есть. Знаешь, у васъ въ рудникѣ, за кладбищемъ, большой носъ?

— Знаю; а что?

Ну, такъ вотъ, давно это было, еще я въ ту пору на разборѣ сидѣлъ,—продолжалъ старикъ,—какъ одинъ изъ приставовъ, Петромъ Ивановичомъ звали его, развѣдки дѣлалъ, да и наткнулся на золото; промѣлъ это онъ золотниковъ пять, шесть, да и представилъ управляющему; а управляющій-то, замѣсто благодарности, такъ обругалъ пристава, что тотъ и пикнуть не смѣлъ. Самъ знаешь, прежде въ рудникѣ-то команды было тысячъ до пяти,—лучше всякаго пріиска; отпустить это человѣкъ пятьсотъ, шестьсотъ, да получать по рублю съ человѣка,—вотъ оно пятьсотъ-то рублей въ карманѣ и есть; а въ году-то вѣдь пятьдесятъ двѣ недѣли, не шутка сказать! Такъ и скрыли золото. Потомъ ужъ, лѣтъ этакъ черезъ двадцать, когда начали разрабатывать таежное золото, такъ и здѣсь открыли.

— Ну, батюшка,—перебилъ отца Николай, хорошо ты рассказываешь, да соловья баснями не кормятъ. Пора бы и водочкой угостить дорогихъ гостей.

— Дѣло,—согласился старикъ, и началось угощенье, впрочемъ очень умеренное, такъ какъ старикъ не любилъ пьянства, и сыновья это твердо помнили. Послѣ обѣда женщины остались дома, поболтать и посплетничать на свободѣ, Ивана старикъ увелъ на гумно, а Семень съ Николаемъ вышли за ворота, сѣли на заваленку и завели рѣчь о томъ, что въ данную минуту всего больше интересовало обоихъ, а именно о Коровьемъ Логѣ.

— Крѣпкій у насъ старикъ!—началъ Семень.—Ничего у него не выпытаешь. А вѣдь много тамъ надо быть золота есть; мнѣ Ксенофонтъ сказывалъ, что нашъ старикъ самъ тамъ прежде работалъ, стало быть долженъ знать. Ты бы попыталъ его доспросить, Николай, можетъ тебѣ онъ скажетъ.

— Не скажетъ, ни за что не скажетъ. Не любитъ онъ этихъ работъ и меня еще ни разу безъ грѣха не отпускалъ на ямы въ свободное время. Привязался къ своимъ пашнямъ и знать ничего не хочетъ. Нонѣ десятины съ двадцать посѣяли.

— Слава Богу,—отозвался Семень.

— Такъ-то такъ,—нехотя согласился Николай,—да работа-то на полѣ тяжкая, а прибыли большой отъ нея не видишь. То ли дѣло золото искать, аль бы торговлю вести. Денегъ у стараго много, дѣло-то хорошо бы пошло; мелочами

бы торговали, а то и водкой; вонъ Барабанка для примѣра: гляди-ко какъ роспыхался; смотрѣть—завидки берутъ.

— Что будешь дѣлать?—сочувственно вздохнулъ Семень.—На все его родительская воля. А ты все-жъ-таки попытай, Николай.

— Ладно, отчего не попытать?—лѣнливо согласился Николай, поднимаясь съ завалины.—Вонъ и бабы наши изъ избы повыползли,—прибавилъ онъ, указывая на женщинъ, направлявшихся въ ихъ сторону.

На слѣдующій день, послѣ молебна, отслуженнаго на площади приглашеннымъ изъ сосѣдняго города священникомъ, Василій Ивановичъ пригласилъ всѣхъ къ себѣ. Самыми почетными гостями были разумѣется священникъ съ причтомъ. По уходѣ „батюшки“, праздникъ оживился и даже самъ строгій хозяинъ выпилъ чарку, другую, лишнюю. Угостившись у него, толпа повалила къ Барабанкѣ, отъ него къ третьему, четвертому и т. д. Къ вечеру всѣ упились въ лоскъ, горлачили пѣсни, цѣловались, ссорились, мирились, опять ссорились и опять мирились. На другой день—то же самое; такимъ образомъ мужики пугались въ теченіи пяти дней, пока наконецъ не пришли въ себя, тогда благоразуміе заявило свои, такъ безцеремонно поправивъ права: мужики пошли въ баню, выпарились, еще выпили „посошокъ“ на опохмѣленье, и развѣхались по домамъ, всякій къ своему дѣлу. Нѣкоторыхъ жены увезли связанными въ телѣгахъ, и имѣвшими видъ мертвыхъ тѣлъ. Только громкій храпъ съ присвистомъ, да односложныя, бессмысленныя мычанья выдавали присутствіе жизни въ этихъ несчастныхъ, головы которыхъ, какъ деревянные, колотились о края телѣги.

Такъ кончился деревенскій праздникъ. Только семейство Буйволовыхъ, сдерживаемое желѣзною волею старика-отца, не поддавалось общему безобразію; но и оно веселилось отъ души, отложивъ въ сторону всѣ заботы и попеченія.

Только одному человѣку изъ всей деревни веселье не шло на умъ. Этотъ человѣкъ былъ Семень Буйволовъ. Крѣпко запала въ его голову дума о Коровинскомъ Логѣ, но кого онъ ни спрашивалъ, съ кѣмъ ни заводилъ разговора,—никто не могъ сообщить ему больше того, что онъ зналъ самъ. Старикъ же отецъ упирался и молчалъ какъ камень. Семень слушалъ пѣсни товарищей, самъ имъ подтягивалъ, плясалъ подъ разбитые звуки балалайки,—а въ головѣ гвоздемъ сидѣла одна крѣпкая дума и шла лихорадочная работа, далекая отъ всего окружающаго.

— „Господи,—думалъ онъ,—сколько золота-то кругомъ, богатства-то сколько въ нашей черни,—а мы, горемычные, все не можемъ выбиться изъ непокрытой нужды! И вѣдь все это Божье, все, кажись, намъ бы на пользу должно идти. Положимъ, хотя бы „горные“ пользовались, казни бы доходъ давали; а то вѣдь и этого нѣтъ; у насъ же часто тайное золото покупаютъ. Никому не идетъ, безъ прока лежитъ въ сырой землѣ. Эхъ, кабы намъ только дозволили, ужъ какъ бы мы здѣсь поработали-то! Всей бы артелью привялись, честно да благородно, не кривя душою доставили бы золото казни, али тамъ кому прикажутъ, да и себя-то поправили бы, худобу бы свою прикрыли. Сколько у насъ молодцовъ есть, которые пріиски открывали, нарядчиками бывали; что силушки-то положили, что думушекъ передумали! А какой толкъ? Все другимъ пошло, весь жаръ нашими руками другіе загребли! А развѣ бы мы не сдумѣли также попользо-

ваться? Развѣ намъ-то не хочется хоть малость передохнуть, да кусокъ иной разъ послаще съѣсть? Эхъ ма! Славное мѣсто Коровинъ Логъ“!

И такъ текли думы Семена; а окрестъ звенѣли и дрожали безшабашные звуки пьянаго веселья и далеко разносились въ тихомъ, безвѣтренномъ воздухѣ.

Нелюбинскій.

(Продолженіе будетъ).

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДѢЛЮ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

— Слѣдствіе по поводу заговора противъ султана окончено. Всѣ арестованныя высокопоставленные лица оказались невиновными. Саидъ-паша будетъ возвращенъ на постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Генераль-адъютанты и маршалы двора Дервишъ-паша и Фуадъ-паша также освобождены и возвращаются на свои посты,—Фуадъ-паша получилъ отъ султана табакерку, украшенную брилліантами. Офиціозная константинопольская газета „Вакифъ“ объясняетъ упраздненіе двухъ черкесскихъ эскадроновъ тѣмъ, что содержаніе этихъ эскадроновъ влекло за собою большой расходъ. Но не успѣли замолкнуть толки о комплотѣ Фуада-паши, какъ телеграммы изъ Константинополя возвѣстили, что султанъ не ѣздилъ въ мечеть на церемонію „Селамлика“, вслѣдствіе открытія новаго „заговора“. Во время переѣзда изъ Гильдизъ-Кіоска въ мечеть черкесская стража должна была захватить султана и тотчасъ-же предать его смерти. По слухамъ, Абд-уль-Хамидъ очень встревоженъ.

— Соучастники Араби-паши приговорены къ смертной казни, но, какъ и ихъ патронъ, помилованы хедивомъ, съ обязательствомъ покинуть Египетъ. Одинъ Сулейманъ-бей-Дуаръ, виновникъ александрійскихъ беспорядковъ, по слухамъ, будетъ преданъ всей строгости военнаго суда. Араби-паша письменно благодарилъ лорда Дюфферина, Мэлета и Уильсона за содѣйствіе справедливому веденію процесса. Мѣсто его ссылки еще неизвѣстно, тогда какъ соучастники, по слухамъ, уже отправлены на островъ Цейлонъ. По официальнымъ извѣстіямъ изъ Судана, Хартуму пока не угрожаетъ опасность, но каирскій корреспондентъ вѣнской газеты „Politische Correspondenz“ сообщаетъ почерпнутыя имъ изъ вѣрнаго источника весьма характерныя свѣдѣнія о возмущеніи въ Суданѣ. Всѣ свободныя египетскія войска направлены въ столицу Кордофана, Эль-Обендъ, которую сильно тѣснятъ орды Махди Мохамеда-Ахмеда. Египетскимъ войскамъ нанесено поражение; тысяча рядовыхъ и всѣ штабъ-офицеры убиты. Успѣвшіе спастись двинулись къ Барѣ, соединились съ барскимъ гарнизономъ и заперлись въ этой крѣпости. До сихъ поръ Махди кровопролитными сраженіями успѣшно отбилъ правительственныя войска на всѣхъ пунктахъ. Ружья, добытыя войсками Махди отъ побѣжденныхъ, брошены ими, по причинѣ неумѣнья обращаться съ ними, войска дѣйствуютъ холоднымъ оружіемъ. Главныя силы пророка Махди заключаются въ конныхъ полчищахъ баггарскихъ арабовъ, весьма большаго, разбойническаго и опытнаго въ военномъ дѣлѣ кочеваго народа, населяющаго необозримыя равнины къ югу отъ Кордофана и Дарфура по рѣкамъ Газелли и Бѣлому Нилу. Успѣхи пророка могутъ смутить до такой степени умы египтянъ, что Махди къ выполненію своей программы не встрѣтитъ иной преграды, какъ англичанъ въ Каирѣ. Программа эта заключается: въ завоеваніи Судана и Египта, въ истребленіи владычества неправовѣрныхъ турокъ, въ основаніи въ Меккѣ тысячелѣтней имперіи и въ обращеніи въ магометанство всего міра. Генералиссимусъ египетской арміи весьма заинтересованъ положеніемъ дѣлъ въ Суданѣ. 12,000 войско на-дняхъ будетъ отправлено въ Суданъ, за нимъ послѣдуетъ еще 5,000 египтянъ съ англійскими офицерами.

— Убіиства, совершенныя въ послѣднее время въ Ирландіи, вызвали двѣ прокламаціи лорда-намѣстника, въ силу которыхъ относительно Дублина примѣняются исключительныя мѣры, до сихъ поръ еще не распространявшіяся на этотъ городъ. Одною изъ прокламацій обѣщается вознагражденіе въ 50,000 р. тому, кто поможетъ розыскать и изобличить лицъ, нанесшихъ „тяжелыя раны“ Фильду, одному изъ присяжныхъ, признавшихъ виновнымъ юношу Уэльша въ пособіи убійства констебля. Другою прокламаціею на Дублинъ распространяется дѣйствіе 11-й статьи „акта о предупрежденіи преступленій“. Статья предоставляетъ право каждому полицмену арестовать любое лицо, почему-либо кажущееся подозрительнымъ при встрѣчѣ его на улицѣ, часъ спустя по закатѣ солнца и за часъ до его восхода. При этомъ, если арестованный не дастъ удовлетворительнаго объясненія причины своего появленія на улицѣ, то онъ можетъ быть приговоренъ къ тюремному заключенію съ тяжелыми работами на время до трехъ мѣсяцевъ. Въ настоящее время солнце въ Дублинѣ заходитъ въ четвертомъ часу, а восходитъ около восьми часовъ утра. Девиэтъ, приглашенный въ судъ за произнесенную имъ рѣчь на ирландскомъ митингѣ, по отобраніи у него подписки впредь не говорить рѣчей, бросающихъ тѣнь на англійское правительство, освобожденъ. Изъ внѣшнихъ вопросовъ англійское правительство интересуется преимущественно мадагаскарскимъ. Оно комбинируетъ условія, которыми можно было бы заставить Францію сдѣлать уступки на всѣхъ пунктахъ. Вопросъ о европейской конференціи всплываетъ наружу.

— Генераль Кампенонъ, имя котораго замѣшано въ гамбеттовскихъ планахъ на кандидатуру президента республики, выразилъ, по словамъ одной французской газеты, что онъ никогда не позволилъ-бы сдѣлать себя орудіемъ для достиженія какихъ-нибудь цѣлей, но допускаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что военное президентство возможно во Франціи при либеральномъ направленіи президента, и что если бы такой постъ достался ему, то управленіе его менѣе всего было бы управленіемъ сабли. Такіе толки возбуждаетъ во Франціи болѣзнь Жюля Греви. Министерство Дюклерка чувствуетъ подъ собою прочную почву; палата до сихъ поръ идетъ съ нимъ рука объ руку. Въ переговорахъ съ Англіею относительно египетскаго и мадагаскарскаго вопросовъ онъ выказываетъ стойкость. Крейсеръ Flore получилъ приказаніе отправиться въ мадагаскарскія воды. Надняхъ состоялось распоряженіе объ административной высылкѣ изъ Франціи польскихъ эмигрантовъ Сосновскаго, Пискорскаго и Крыжановскаго, обвиняемыхъ въ принадлежности къ революціонной ассоціаціи.

— Черногорія вооружается, чтобъ быть готовою отразить всякое нападеніе, такъ-какъ берлинскій конгрессъ не оградила ея интересы; граница ея съ Турціею до сихъ поръ не опредѣлена de facto. Хотя Турція и выслала свою делегацію для проведенія границъ, но воинственное княжество имѣетъ основаніе опасаться ненужныхъ промедленій и проволочекъ, свойственныхъ турецкой политикѣ вездѣ и во всемъ.

— Въ послѣднее время берлинскія и вѣнскія газеты много толкуютъ о тѣсномъ союзѣ Германіи и Австріи, выразившемся въ письменномъ договорѣ. Справедливъ или нѣтъ этотъ слухъ, это иной вопросъ, но полагаютъ, что онъ предшествуетъ какимъ-нибудь рѣшительнымъ дѣйствіямъ со стороны Австріи относительно Босніи и Герцеговины. Слухи эти вызвали энергичныя заявленія со стороны противниковъ австрійскихъ захватовъ, заявленія, высказываемыя въ корреспонденціяхъ различныхъ газетъ, гдѣ говорится, что босняки и герцеговинцы, какъ сербы, желаютъ соединенія съ Сербіей и Черногоріей, а не съ ненавистною имъ Австріею. Возстаніе продолжается. Сербы-магометане соединились съ сербами православными. Посланные въ страну католическіе патеры оказываютъ давленіе, какъ на православныхъ, такъ и на христіанъ, что усиливаетъ ропотъ народа.

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

— 27 ноября Николаевская академія генеральнаго штаба праздновала пятидесятилѣтній юбилей своего существованія, причѣмъ какъ участниками празднества, такъ и печатью вспоминалась плодотворная дѣятельность бывшаго военнаго министра графа Д. А. Милютина.

— 26 ноября Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица почтили своимъ присутствіемъ въ зданіи Зимняго дворца праздникъ георгіевскихъ кавалеровъ.

— Распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ объявлено первое предостереженіе газетъ „Московскій Телеграфъ“, выходящей, послѣ своего временнаго прекращенія, съ перваго ноября, за фельетонъ въ № 101.

— И. С. Тургеневъ переѣхалъ изъ Буживала въ Парижъ. Попрежнему, Иванъ Сергѣевичъ не можетъ порадовать русское общество своимъ полнымъ выздоровленіемъ, но все-таки силы его настолько возстановились, что И. С. довольно много работаетъ и въ настоящее время занятъ приведеніемъ въ порядокъ новаго изданія своихъ сочиненій.

— По слухамъ, въ Кабинетѣ Его Величества произойдутъ слѣдующія перемѣны: горное отдѣленіе Кабинета проектируется передать въ горный департаментъ министерства государственныхъ имуществъ, а камеральное отдѣленіе подчинить управленію Императорской главной квартиры.

— Высочайше утверждѣнъ новый проектъ городского дохода. Уплатою по окладнымъ листамъ обязываются учрежденія и частныя лица, имѣющія въ своемъ распоряженіи лошадей и экипажи.

— Въ „Собраніи узаконеній и распоряженій правительства“ обнародовано опредѣленіе правительствующаго сената по вопросу объ исчисленіи срока наказанія для ссыльнокаторжныхъ:

„Признавая, что срокъ наказанія долженъ исчисляться со времени вступленія приговора въ законную силу для всѣхъ, безразлично, преступниковъ-арестантовъ, принадлежащихъ къ категоріи ссыльнокаторжныхъ, правительствующій сенатъ находитъ, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, прямымъ послѣдствіемъ такого толкованія долженъ быть и зачетъ въ срокъ наказанія каторжными работами времени, проводимаго преступниками каторжнаго разряда въ пути, при пересылкѣ ихъ по назначенію и при переводѣ изъ однихъ мѣстъ заключенія въ другія“.

— По словамъ „Туркестанскихъ Вѣдомостей“, въ Бухару отправляется, въ непродолжительномъ времени, посольство отъ туркестанскаго генераль-губернатора; посольству поручено благодарить эмира за привѣтствіе и засвидѣтельствовать дружбу. Главою посольства назначенъ генераль-майоръ князь Зейнъ-Витгенштейнъ-Берлебургъ; съ нимъ отправляется также старшій чиновникъ особыхъ порученій при генераль-губернаторѣ, подполковникъ Крестовскій.

— Главнымъ правленіемъ общества добровольнаго флота окончено разсмотрѣніемъ дѣло о крушеніи парохода „Москва“, причѣмъ главное правленіе пришло къ убѣжденію, что крушеніе парохода „Москва“ было слѣдствіемъ несчастныхъ случайностей, пагубное вліяніе которыхъ трудно было устранить обыкновенной человѣческой предусмотрительностью, почему и постановило: признать капитанъ-лейтенанта Чирикова въ означенномъ крушеніи невиновнымъ и подлежащимъ никакой отвѣтственности“.

— „Голосу“ пишутъ изъ Воронежа, что за послѣдніе годы учрежденія, утверждающія приговоры обществъ объ удаленіи за дурное поведение, съ большею требовательностью стали относиться къ приговорамъ и наблюдаютъ, чтобъ общества принимали надъ порочными членами предварительныя мѣры исправленія, а также исполняли бы въ точности всѣ установленныя на этотъ предметъ правила. Вслѣдствіе этого уменьшается число ссылаемыхъ въ Сибирь. Въ вышнѣмъ году изъ Воронежской губерніи отправлено исключенныхъ обществъ за пороки всего лишь 59 человѣкъ, между тѣмъ, какъ прежде такія лица отправлялись цѣлыми сотнями“.

— По слухамъ, поднять вопросъ о преобразованіи штатовъ нерчинскихъ и алтайскихъ горныхъ заводовъ.

— Генераль-губернаторы Восточной Сибири давно уже прилагаютъ заботы объ учрежденіи срочнаго пароходства между нашими портами въ Тихомъ океанѣ и портами японскими и китайскими, причѣмъ всегда имѣлось въ виду поставить во главѣ этого дѣла русскаго учредителя. Въ 1879 году, явился съ предложеніемъ заключить контрактъ съ казною на содержаніе срочнаго пароходства въ Тихомъ океанѣ кяхтинскій купецъ Шевелевъ, съ которымъ дѣйствительно и былъ заключенъ контрактъ седьмаго ноября 1879 года. Между тѣмъ, въ назначенный срокъ въ навигацію 1881 года срочные рейсы въ Тихомъ океанѣ не были установлены. Они начались съ 16 апрѣля 1882 года. Такимъ образомъ, хотя въ маломъ размѣрѣ и позже установленнаго срока, но идея срочнаго пароходства въ Тихомъ океанѣ осуществилась. Г. Шевелевъ, какъ намъ сообщаютъ, черезъ генераль-губернатора Анучина возбудилъ ходатайство объ освобожденіи его отъ отвѣтственности за просрочку открытія пароходнаго сообщенія въ портахъ Тихаго океана, и министерство финансовъ, какъ говорятъ, признало такое ходатайство подлежащимъ удовлетворенію, о чемъ и представило уже въ комитетъ министровъ.

— „Забайкальскія Областныя Вѣдомости“ сообщаютъ, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ о пожертвованіи инородцами баргузинскаго и селенгинскаго вѣдомствъ и ульчинскими тунгусами 28,687 рублей на устройство гимназій въ Читѣ, высочайше повелѣтъ соизволилъ благодарить означенныхъ сибирскихъ инородцевъ за это пожертвованіе.

Х БИБЛИОГРАФІЯ.

(Продолженіе).

М. Вернъ. Современная Японія. (Изъ записной книжки моряка). Часть 1-я. — По пути въ Японію. Часть 2-я. — Японія. Съ приложеніемъ 4-хъ рисунковъ. Москва. 1882 г.

Познакомившись съ южною Японіей, г. Вернъ направился въ сѣверныя порты этой страны, и прошелъ внутреннимъ, или, какъ его иногда называютъ, Средиземнымъ моремъ Японіи. Острова этого моря служатъ для японцевъ тѣмъ же, что составляетъ для европейцевъ Ницца, Крымъ, островъ Уайтъ и др. Чудная панорама береговъ образуетъ картины, на которыя нельзя насмотрѣться, и все это пространство кишитъ населеніемъ, какъ нигдѣ въ Японіи. Г. Верну удалось описать на этомъ пути нѣкоторые изъ японскихъ городовъ и поселковъ, причѣмъ онъ никогда не опускаетъ случая разсказать легенды и преданія, существующія о той или другой мѣстности. Прибывъ въ Йокогаму, путешественникъ, предварительнаго описанія и знакомства съ городомъ, излагаетъ исторію его возникновенія, а самое описаніе жизни сѣверныхъ японцевъ ведетъ параллельно съ указаніями на различіе ея отъ быта японцевъ на югѣ. Въ Йокогамѣ между прочимъ г. Верну пришлось впервые увидать японцевъ высшаго класса, такъ называемыхъ я к у н и н о в ъ, которые суть потомки древнихъ японскихъ рыцарскихъ фамилій. Они отличаются отъ чиновничьей знати въ Японіи тѣмъ, что неизмѣнно носятъ національные японскіе костюмы, фасоны которыхъ такъ разнообразны, что у якунина на каждый данный случай непременно найдется особый костюмъ;—даже на случай самоубійства или почетной смерти г а р и к и (распарываніе брюха) этотъ знатный японецъ имѣетъ у себя особое платье. Почетная смерть гарика находитъ себѣ прекрасное описаніе въ книгѣ г. Верна, и это едва ли не лучший трактатъ изъ всѣхъ, которые мы имѣемъ для составленія себѣ понятія о сказанномъ японскомъ обычаѣ.

Въ Йокогамѣ г. Вернъ, подобно всѣмъ путешественникамъ, прежде всего осматрѣлъ знаменитую Дайбудаю и находящійся неподалеку отъ нея храмъ Гатчимина; за симъ, обращаясь къ изученію городской жизни и къ обзорѣнью условій быта мѣстныхъ японцевъ, онъ рисуетъ намъ картину земледѣлія въ Японіи, такъ какъ хлѣбопашество составляетъ главнѣйшій промыселъ сѣверныхъ японцевъ. Особливо замѣча-

тельна здѣсь обработка риса, который считается лучшимъ въ свѣтѣ по массивности своего зерна, его питательности и бѣлизнѣ. Разведеніе ячменя, чайнаго кустарника, бамбука, табаку, тутовыхъ деревьевъ и прочихъ представителей растительнаго царства сѣверной Японіи, также точно находятъ здѣсь свое мѣсто. Съ рассказомъ о тутовыхъ деревьяхъ всегда тѣсно вяжется и шелковое производство. Оно также довольно распространено на Нионѣ, и авторъ не только удовлетворяетъ нашему любопытству относительно уясненія степени развитія этого рода промышленности, но даже сообщаетъ историческія свѣдѣнія и легенды объ этомъ промыслѣ, которыя ему удалось собрать отъ мѣстныхъ шелководовъ. Вѣрный своей привычкѣ избѣгать описаній уже извѣстныхъ мѣстностей, г. Вернъ не долго остается однако въ Йокогамѣ, и вскорѣ началъ рядъ обычныхъ странствованій по окрестностямъ этого города. Въ селеніи Одовара онъ изучаетъ орденъ слѣпыхъ бонзъ, принадлежащихъ къ вѣроисповѣданію Ками, а потомъ наталкивается на другой, подобный же ему орденъ уже буддійскаго вѣроисповѣданія—бродячихъ бонзъ; въ той же деревнѣ, наконецъ, путешественнику удалось видѣть праздникъ мицурри, устраиваемый японцами въ честь божества Сувы. Историческое обозрѣніе о происхожденіи этого праздника и трактатъ о переменахъ въ обрядовой сторонѣ его придаютъ всему сообщенію занимательность, достойную самаго предмета. Не менѣе интереснымъ представляются намъ замѣтки г. Верна о религіи Шинту вообще, равно какъ и рассказъ по исторіи христіанской церкви въ Японіи. Позднѣе, находясь въ Кіото, авторъ пополняетъ эти рассказы, и хотя въ сообщеніяхъ его нѣтъ никакихъ новыхъ историческихъ фактовъ, но живой и картинный по изложенію обзоръ сношеній Португаліи и Испаніи съ Японіей въ XVII вѣкѣ читается съ легкостью и въ высшей степени поучителенъ для характеристики тогдашнихъ нравовъ.

Изложеніе своихъ наблюденій въ Йокогамѣ г. Вернъ заканчиваетъ, развертывая передъ нами картину жизни и воспитанія японца отъ его появленія на свѣтъ до возмужалости и дряхлости. Жизнь эта, въ большинствѣ случаевъ, небогата тревоженіями; но, вообще, изъ описаній г. Верна можно выводить, что въ Японіи жизнь мужчины также тиха и однообразна, какъ шумна и разгульна жизнь женщинъ. Грамотность у японцевъ почти обязательна, и каждый ребенокъ съ 6-ти лѣтъ уже начинаетъ ходить въ школу, 15-ти лѣтъ юноша долженъ знать всѣ законы и сдать нѣчто въ родѣ экзамена, а 20-ти-лѣтній мужчина обязанъ быть женатымъ. Съ тѣхъ поръ, какъ сгорѣлъ свадебный факель, юноша хоронитъ свою молодость: вино, азартныя игры и т. п. для него не только запретный плодъ, но и страшное преступленіе, немилосердно караемое закономъ. Изложеніемъ основныхъ правилъ японскаго законодательства г. Вернъ характеризуетъ намъ еще болѣе японскую націю, и если, смотря на эти законы съ европейской точки зрѣнія, мы съ одной стороны и находимъ, что они грубы, въ силу своей необычайной жестокости, то съ другой нельзя не видѣть и симпатичную сторону ихъ, по которой они смотрятъ безразлично на всю японскую націю: въ Японіи всѣ равны предъ закономъ, исключая микадо; даже самъ тайкунъ подлежитъ, наравнѣ съ простымъ носильщикомъ, одному суду и наказанію.

Перебравшись въ Кіото, этотъ священный городъ наукъ и искусствъ въ Японіи, авторъ осматриваетъ здѣсь первую японскую выставку—плодъ сношеній японцевъ съ европейцами; а изъ достопримѣчательностей самаго города описываетъ прежде всего серебряный дворецъ, выстроенный микадо Ачикага въ 1400 г. Дворецъ этотъ сильно пострадалъ въ періодъ феодальныхъ войнъ въ Японіи, но и доселѣ еще сохранился въ немъ серебряныя потолки и стѣны. Не менѣе любопытенъ находящійся въ Кіото же храмъ Кіо-ми-дзу—первый изъ буддійскихъ храмовъ, построенныхъ въ Японіи въ 950 г. Онъ былъ разрушенъ, и реставрированный почти въ то же время, представляетъ такимъ образомъ памятникъ водчества японцевъ почти за 1000 лѣтъ до нашихъ дней.

Оакдзо и Осака составляютъ послѣдніе пункты пребыванія г. Верна въ Японіи. Здѣсь путешественнику не представилось уже особенно новыхъ сторонъ японской жизни, но тѣмъ не менѣе, авторъ собралъ для своихъ послѣднихъ главъ любопытный матеріалъ, представляя намъ сюжеты японскихъ сказокъ, театральныхъ пьесъ, преданій и проч. и проч. Вообще мы должны сказать, что человѣку неподготовленному довольно трудно составить себѣ по сочиненію г. Верна точную критическую оцѣнку современнаго положенія Японіи, но по богатству собраннаго матеріала этотъ трудъ можетъ быть съ пользою читаемъ въ обществѣ, а легкость и занимательность въ изложеніи рассказа слу-

жить вѣрнымъ ручательствомъ, что книгою можетъ заинтересоваться всякій. Отсутствие системы въ изложеніи дѣлаетъ изъ всего этого любопытнаго сочиненія литературный *pêle-mêle*, изъ котораго, повторимъ снова, трудно выводить заключеніе; но съ другой стороны, въ этомъ хаосѣ нарисованныхъ яркими красками и разнообразныхъ картинъ, человѣку, знакомому съ жизнью Японіи, еще яснѣе и нагляднѣе представляется эта жизнь, еще характеристичнѣе выступаютъ типы японцевъ и ихъ загадочная будущность. Богъ вѣсть, что станетъ съ этимъ народомъ? Но, вдумываясь въ различныя черты его характера, невольно можно задаться вопросомъ: не явятся ли японцы на неопредѣленное время только хорошими работниками и подмастерьями своихъ западныхъ гостей? Японіи предстоитъ теперь великая задача: она должна понять, что одного копированія цивилизаціи Европы мало, и что нельзя существовать на свѣтѣ, будучи, подобно Китаю и Индіи, тупымъ совержателемъ расхищенія своихъ сокровищъ.

А. П.

БИРЖЕВЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Сегодня 30 ноября. Курсъ на Лондонъ на 3 мѣс. $23\frac{2}{12}$ пенс. за рубль, на Парижъ 249 сант., на Гамбургъ $201\frac{3}{4}$ пфен. Полуимперіалъ 8 р. 32 к. рубли серебр. 1 р. 38; $5\frac{0}{10}$ бил. Госуд. Банка 1 вып. $93\frac{3}{8}$, 2 вып. $90\frac{3}{4}$, 3 вып. $90\frac{5}{8}$, 4 вып. 90, 5 вып. 90. Восточный займъ $88\frac{1}{8}$. Первый выигр. заемъ 216, второй выигр. заемъ 206. Облг. Сиб. гор. общ. 84, Моск. гор. кред. общ. $84\frac{1}{2}$, закл. лист. взаим. позем. кред. 130, $5\frac{1}{2}$ рента $96\frac{1}{2}$, закл. лист. земск. банка Херс. губ. $90\frac{1}{4}$, $6\frac{0}{10}$ закл. лист. земск. банка Харьк. губ. 90, закл. лист. Тульск. земск. банка 93, Тифлисск. земск. банка 86, закл. лист. Сар.-Симб. земск. банка 75. Акц. Волжско-Камскаго ком. банка 414, акц. Сибир. торг. банка 324, акц. Главн. общ. Росс. ж. д. $249\frac{3}{4}$, акц. Рыбин. бол. ж. д. $59\frac{1}{2}$, Гряз.-Царв. ж. д. 8. Настроеніе биржи съ курсомъ слабое. Выигрышныя займы въ спросѣ по 216 и 206, съ остальными безъ дѣль.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

общественный, литературный и политическій.

ОРГАНЪ ПОВОЛЖЬЯ И КАМСКАГО КРАЯ.

«Волжскій Вѣстникъ» будетъ выходить въ 1883 г. еженедѣльно, тетрадами, не менѣе двухъ печатныхъ листовъ (16 страницъ) большаго формата.

Основная задача журнала—выясненіе и представительство интересовъ мѣстно-областнаго края.

Редакція можетъ указать слѣдующихъ лицъ, какъ входящихъ въ составъ редакціи, такъ и обѣщавшихъ свое участіе въ журналѣ:

Агафоновъ Н. Я., проф. Архангельскій А. С., Бобровниковъ Н. А., проф. Буличъ Н. Н., проф. Васильевъ А. В., Владиміровъ П. В., Гадисскій А. С., Дормидонтовъ Г. Ф., проф. Знаменскій П. В., проф. Ивановскій В. В., Ивановъ А. П., Кошурниковъ В. С., проф. Кремлевъ Н. А., прив.-доц. Кузнецовъ С. К., Лаврскій К. В., Магнитскій В. К., Морозовъ Н. Н., прив.-доц. Нефедьевъ Е. А., проф. Осокинъ Н. А., Перелѣсовъ Н. Ф., проф. Петровъ А. В., Пономаревъ П. А., Поповъ А. В., Потанинъ Г. Н., Садовниковъ Д. Н., Саловъ И. А., проф. Смирновъ И. Н., проф. Сорокинъ Н. В., Степановъ И. И., проф. Штукенбергъ А. А., проф. Щербаковъ А. Я. и др.

Редакція озаботилась приобрѣтеніемъ постоянныхъ корреспондентовъ во всѣхъ важнѣйшихъ пунктахъ мѣстнаго края и правильнымъ веденіемъ всѣхъ отдѣловъ журнала, завѣдываніе которыми распределено между ближайшими сотрудниками.

Ежегодное бесплатное приложеніе для годовыхъ подписчиковъ—литературный сборникъ объемомъ до 15 печатн. листовъ (240 стр.).

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкой: на годъ 7 руб.; на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 руб., къ 1-му Апрѣлю и къ 1-му Юлю по 2 рубля.

Изгородные адресуютъ исключительно: въ Казань, редактору-издателю «Волжскаго Вѣстника», профессору Н. П. Загоскину.